

АЛИСА КЛЕВЕР

— ДВА МЕСЯЦА И ТРИ ДНЯ —

18+

Утонченно, эротично,
ПРАВДИВО О ЛЮБВИ — РУССКИЕ

«ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ СЕРОГО»

АНФИСА ЧЕХОВА

Алиса Клевер

Два месяца и три дня

Серия «Два месяца и три дня», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524199

Клевер, Алиса. Два месяца и три дня : роман: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79228-3

Аннотация

Максим Коршунов, скандальный фотограф и единственный сын русского олигарха, проводит жизнь в исследовании наслаждения. Тело для Коршунова – единственный инструмент, с помощью которого измеряется вечность. Секс – единственное состояние, близкое к бессмертию. Максим отрицает стыд. Ибо только вне его можно пережить все оттенки удовольствия. Тело для Арины Крыловой – сосуд для души. Секс – высшая точка проявления любви. Стыд – та категория нравственности, которая оберегает девушку, провинциальную студентку, еле сводящую концы с концами, от разврата, пошлости и подлости. Между Максимом и Ариной нет ничего общего. Они из разных миров, но чувство, вспыхнувшее между ними, сметает различия и лишает способности принимать правильные решения.

Содержание

1	5
2	11
3	24
4	35
5	51
6	64
7	71
8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алиса Клевер

Два месяца и три дня

*Как может что-то настолько ужасное
порождать такие прекрасные чувства?*

*Я становлюсь человеком, только когда меня
сжимают в объятиях.*
Дон Жуан

*Sweet dreams are made of this,
Who am I to disagree?*
«Eurythmics»

*Все события, места и участники – вымысел или
сон.*

© Клевер, А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1

Утром Максим поймал себя на одном желании – чтобы Кларисса ушла и он остался один. Это удивило его и огорчило. Кларисса ему нравилась, а их эскапада-экспромт доставляла удовольствие им обоим. Вот и сейчас, глядя на нее спящую – обнаженную, вольготно и бесстыдно раскинувшуюся по широкой кровати, – он восхищался красотой ее длинного, гибкого, холеного тела.

Но не настолько, чтобы ему захотелось быть с нею, когда она проснется.

Одиночества Максим не боялся. Он любил его. Не так это и страшно – лежать на залитом солнцем полу и ничего не чувствовать. Дышать, слушать музыку и ждать, что будет дальше.

Он перевернулся на живот. В панорамном окне перед ним двигались большие красные точки – автобусы даббл-декеры – и черные точки поменьше – такси. Улицы лондонского Сити заполнили эти смешные букашки – то останавливаясь, то ускоряясь, и не было в этом ни логики, ни смысла, но была какая-то гипнотическая красота, на которую можно было смотреть часами.

Самолет в Москву поздно вечером, подумал Максим. Впереди целый день.

Жаль все же. Кларисса прошептала ему вчера, перед тем

как заснуть, что ничего не ждет от него, но Максиму было отлично известно: говоря так, женщины имеют в виду совсем обратное. Даже самые из них раскрепощенные.

– Привет, красавчик. Давно проснулся? – Максим оглянулся на голос, чуть хриплый, насмешливый.

– Трудно сказать. А ты как спала? – спросил он ласково. Кларисса пожалала плечами и свесилась по пояс с кровати.

– Тебе там не жестко? – удивилась она, глядя на распростертого возле окна Максима.

– Я люблю, когда жестко, – ответил тот, выразительно и с намеком. Глаза Клариссы загорелись огнем.

– М-м-м, я тоже люблю жестко, ты знаешь, – она изогнулась, как кошка, приподняв голые ягодицы так, чтобы их было снизу видно Максиму, и улыбнулась обольстительной зазывной улыбкой. Максим облизнул губы, против воли уставившись на вызывающе упругий зад с манящей ложбинкой меж ягодиц.

– А не боишься? – спросил он чуть севшим голосом. Кларисса расхохоталась, прыгнула с постели на источающий чистоту дорогой пол из теплого дерева и на четвереньках подобралась к Максиму.

– Это кому здесь нужно бояться? – Она улеглась на живот рядом с ним, подперев голову кулачками. – И что ты там разглядываешь?

– Да так, ничего... – Максим деловито придвинулся к ней, провел ладонью по ее спине, медленно, не торопясь туда, ку-

да влекло его больше всего. Задержавшись на ягодицах, его рука проникла глубже между ее ног, и он коснулся влажной, подвел указательный палец к клитору – не сводя глаз с ее лица – и принялся мягкими движениями его массировать.

– Тебя... в галерее сегодня не ждут? – спросил он тихо и рассмеялся тому, каким затуманенным, из-под век, стал взгляд Клариссы. В ответ она простонала.

– Что-то не так? – притворно сдвинул брови Максим.

– Ох. – Он убрал руку, и Кларисса открыла глаза. В них кричало разочарование.

– Что? – улыбнулся он. – Ты знаешь, моя дорогая, я ведь почти не спал этой ночью...

– Издеваешься? – почти проскулила она.

– Я пил бурбон, изучал негативы, думал о возможной встрече с отцом... Немилосердно устал. – Максим не двигался, а лишь улыбался.

– Ах, значит, устал, бедняжка! – недовольно ворчула Кларисса. Она встрепенулась, приподнялась и села, вытянув ноги и опершись спиной о стекло окна. Максим подтянулся к ней ближе и развел ее ноги в стороны, на всю возможную ширину.

– Изнемогаю, – усмехнулся он, с наслаждением рассматривая открывшуюся ему картину. Промежность у Клариссы была ухоженной, с тонкой полоской рыжих волос, с родинкой чуть выше клитора. Упругий загорелый живот, аккуратные груди с татуировкой возле плеча: маленькая волчица

продолжала свой вечный бег в сторону ключицы, но никогда не достигала цели.

– Мы будем трахаться или ты сначала решил довести меня до слез?! – вконец разозлилась Кларисса и попыталась было сдвинуть ноги, но Максим ей не дал.

– Такое утро! К чему спешить, – вкрадчиво промурлыкал он. – Если только тебя не ждут в галерее.

– К черту галерею! – кричит Кларисса, и тогда Максим встает на ноги, помогает ей подняться. Ее ноги дрожат от напряжения. Максим подхватывает ее под ягодицы и легко поднимает в воздух. Ее взгляд устремляется на него, она рассматривает его лицо, не отрываясь, скользит глазами по его высоким скулам, спутанным темным волосам, закрывающим его изменчивые серые глаза. Она любит каплями пота, выступившими у него на лбу. Его движения становятся настойчивей, взгляд жестче. Он берет ее прямо там, стоя, прижав спиной к прозрачной стене. От мысли, что может случиться с ними, если крепкое стекло не выдержит, сердце Клариссы бьется еще чаще. Перед ее мысленным взором полет вниз, на лондонскую мостовую – полет двух сплетенных друг с другом тел. От резких, сильных ударов его члена она кричит.

– Лучше тебя нет, – шепчет она. – Знаешь, чего я хочу?

– Не представляю, – смеется Максим, уверенным движением проникая еще дальше в ее тело.

– Чтобы тебя было трое... – и тихий, переливчатый смех

заполняет комнату.

После, сидя – опять на полу – у краешка мраморной ванны, Максим сообщил ей будничным голосом, что не планирует в ближайшее время возвращаться в Лондон.

– То есть? – не сразу дошло до Клариссы.

– То и есть, – пожал он плечами и потрогал рукой поверхность воды.

– Ты меня... выставляешь? – напряглась Кларисса, до этого комфортно лежавшая в пенной воде. Максим посмотрел на нее с удивлением.

– Чего нет, того нет. Если бы я хотел, чтобы ты ушла, я бы просто вызвал тебе такси.

Кларисса, схватив гель для душа, принялась лихорадочно им намыливаться, но, бросив в сердцах мочалку – несколько брызг попали ему на лицо, – возмущенно воскликнула:

– Ричард прав, женщинам надо держаться от тебя подальше. Он, кстати, считает, что ты портишь мне жизнь.

– Это тот редкий случай, когда твой занудный братец абсолютно прав, – согласился Максим, и Кларисса бессильно швырнула в него холмик пены.

– Ты не желаешь мне счастья!

– Это не так. Я не желаю счастья себе, – ответил он и подал ей большое пушистое полотенце. – Счастье – оно для тех, кто никогда не испытывал наслаждения. Между этими двумя богами идет вечная война, и первый одерживает верх, пока не появляется второй. И когда он выходит из-за угла,

с оголенными плечами и распухшими от поцелуев губами, счастье откладывают в сторону, как раскрытую на середине книгу, чтобы дочитать потом, когда зарядит дождь и нечем будет заняться.

– Ты говоришь так, словно счастье и наслаждение – не одно и то же.

– Это совершенно разные вещи. Разве ты сама не видишь? Ты удивляешь меня, – покачал он головой.

Кларисса помолчала, сосредоточенно разглядывая что-то невидимое на белоснежном кафеле безупречно чистой ванной комнаты.

– Однажды ты появишься в очередной раз на моем пороге, посреди ночи, с этим вот беззаботным видом, а я буду замужем, – усмехнулась она, заворачиваясь в полотенце. Максим склонился к ней и провел ладонью по ее лицу.

– Думаешь, это тебя остановит?

– Господи, какое счастье, что я тебя не люблю! – Гибким движением рук Кларисса сбросила полотенце и вернулась в гостевую комнату, где оставила вещи.

Максим не стал ее догонять. Пройдя на кухню – пустую, просторную – и включив кофеварку, он достал из холодильника молоко – Кларисса любила ванильный латте.

В мыслях он уже прошел в самолет, занял сиденье в первом ряду в салоне бизнес-класса и улетал в Москву – да что там в Москву, он улетал дальше, в вечно манящий и непредсказуемый мираж под названием «завтрашний день».

Как известно, не бывает плохой погоды, а бывает неподходящая для этого дня одежда. Лучше всего это понимаешь, стоя посреди тротуара в тонком хлопковом, «под джинсу» платье без рукавов и с беспокойством наблюдая, как только что бескрайнее голубое небо внезапно и быстро покрывается стальными темными тучами и налетает холодный ветер. Будет гроза. Нужно было надеть другое платье, но все платья остались в шкафу, а шкаф – в комнате, где живет Нелли. А еще в комнате прямо сейчас – Сергей, один из любовников Нелли.

Один «из»... Арина напялила первое, что попало под руку, домашнее, по сути, платье – удобное, но слишком открытое и короткое, не доходит и до колен. Сидит мешком, но это скорей хорошо. Под балахоном не видно, какая она неуклюжая и угловатая. Выдают только торчащие острыми углами локти ее длинных рук.

Один «из». Арина не хотела об этом думать, она просто застыла посреди тротуара и обхватила руками плечи. Кеды, платье и рюкзачок – вот и все, с чем она выбежала из дома. Люди обходили ее, как вода обтекает камень в горной реке. Арина невольно возвращалась мысленно к купюрам, лежащим в комнате на журнальном столе. Две пятитысячные купюры оранжевого цвета – ни с чем не спутаешь. Десять ты-

сяч рублей за одну ночь с одним «из»? Значит, Нелли продается за деньги.

Вся зарплата Арины в ветеринарном центре, где она подрабатывала по ночам, состояла из пяти таких бумажек. Три – в аванс, две – в получку. В июне тридцать дней, и, значит, выходит по 833 рубля в сутки. Одну купюру приходится отдавать Нелли за квартиру или, скорее, за кухню, в которой жила Арина. Еще одна уходила на погашение кредита за учебу – поступить на бюджетное место девочке из Владимира не удалось. Хорошо хоть на платный взяли. Отец помог оформить кредит. Мать просто охала и ахала, поражаясь странной и неожиданной «упертости» дочери, которая во что бы то ни стало решила стать ветеринаром.

Еще одна купюра как минимум уходила на еду, как ни старалась Арина сократить этот расход до минимума. Старания ее, впрочем, были налицо – одни локти чего стоили, торчали, как у жертвы анорексии, а ведь между тем Арина ни минутки в своей жизни не голодала по доброй воле. Напротив, за год жизни в столице Арина успела узнать, где и как можно поесть «на халяву». Кришнаиты частенько кормили бесплатно, если немного попеть их песни, была в Москве и парочка социальных столовых, но там было очень уж неприятно, ждать приходилось долго, да к тому же – среди бомжей, алкашей и других маргиналов. Постояв там однажды с учебником в руках – скромная чистенькая девушка с выбившимися из конского хвоста черными волосами, – она пришла

к выводу, что так экономить на себе нельзя. Себе дороже. Уж лучше питаться овсянкой дома, чем таскаться по таким местам, тратя время и силы.

Оставшиеся две купюры Арина пыталась сохранять любой ценой, откладывая на черный день, который мог в ее случае наступить в любой момент. Но получалось это у нее плохо: то проездной заканчивался и приходилось инвестировать в «транспортную составляющую», то окончательно рвались кеды. Ходить по городу босой было как-то не принято.

Десять тысяч рублей за одну неполную ночь. Сергей приехал только под утро, пьяный, веселый, с бутылкой вина в руке. Арина вспомнила – в последнее время Сергей «навещал» Нелли как минимум раз в неделю. А то и два. Арине пришлось подавить в себе порыв подсчитать путем умножения, сколько денег «вылежало» на журнальном столике в комнате Нелли.

– Что бы ты понимала! Он просто заботится обо мне.

– Хорошо, хорошо! – замотала головой Арина, лишь бы оборвать этот разговор.

– А тебя вообще никто не хочет, ты – как ёж, – вот что сказала Нелли.

Эти слова заставили ежа – Арину – буквально вылететь из квартиры в дурацком джинсовом платье мешком. Она не хотела это обсуждать. Не хотела знать, что именно Нелли думает обо всем этом, не хотела обогатиться какими-нибудь дополнительными подробностями интимной жизни Нелли.

Для субботнего утра Арина и так знала больше, чем хотела бы знать. Она только не могла придумать, куда податься, чтобы как можно дольше не возвращаться в кухню на пятом этаже их съемной пятиэтажки. Ей бы только день простоять да ночь продержаться. Хотя бы день, потому что, конечно, рано или поздно все равно придется туда возвращаться.

– Я же не стою на Ленинградке в кожаной юбке, с кем ты меня сравниваешь, ты подумала?! Ты не смеешь меня осуждать!

Она и не осуждала. Поэтому и убежала, чтобы немного остыть, чтобы яркие вспышки погасли и воображение перестало рисовать острые, грубые картины из частной жизни Нелли Жарковой. Уйти пришлось, чтобы не сорваться, не начать задавать лишние, обидные вопросы.

В конце концов, разве ее это дело, с кем спит ее старшая подруга Нелли и что получает взамен?

Людские ручьи неторопливо текли мимо Арины, сгущаясь около входа в подземный переход. В метро, должно быть, теплее. В кошельке лежали студенческий билет, проездной по Москве и около тысячи двухсот рублей – все, что можно было расходовать до полочки, которая будет только через... не стоит на этом заикливаться.

Единственное, поняла вдруг Арина, отчего этот Сергей иногда посматривал на нее каким-то темным, сальным взглядом и нехорошо улыбался. Если он заботится о Нелли раз или два в неделю согласно тарифу и самой сути товар-

но-денежных отношений, то что он думает о самой Арине?! Они же живут с Нелли вместе, разве нет?

Арина решительно кивнула головой и зашагала к метро.

Никому не объяснишь, что ты просто снимаешь угол у знакомой, причем именно и буквально – угол на диванчике в кухне. На отдельную комнату, не говоря о квартире, ей не хватило бы ни при каких раскладах.

Если, конечно, исключить расклад, в соответствии с которым Нелли трижды в неделю стонала, изгибалась и кричала, мешая Арине учиться. Неллины громкие и какие-то уж слишком а-ля немецкое порно крики заставляли Арину закладывать уши ладонями. Отчасти еще и потому, что эти стоны, звуки равномерно поскрипывающей кровати за стеной смущали ее и заставляли краснеть от совсем непрошенных мыслей.

Ну, где ей сейчас поболтаться? Можно поехать по кольцевой ветке, только учебников Арина с собой не взяла, а сколько так выездишь, без чтения? Выучить наизусть инструкцию по пользованию метрополитеном? В кафе нужно что-то заказывать. В кино – покупать билет. В торговых центрах слишком сильно пахнет едой, а она не успела позавтракать. Впрочем, на хлеб потратиться можно. Интересно, в каком часу Сергей покинет их гнездышко платной страсти?

Вообще, Арина любила гулять по городу, по старому московскому центру с его невысокими особняками, украшенными белоснежной лепниной и статуями. За проведенный в

Москве год она успела набродиться вдоволь и по Бульварному кольцу, и по улицам, ведущим к Садовому. Москва могла быть серой и грязной в дни мокрой осени, засыпая потрескавшиеся улочки желто-коричневыми листьями. Могла быть вязкой и промозглой зимой, приводя в негодность любую обувь и покрывая солью подол пальто. Москва – неверная любовница – бессовестно обманывала, когда дело касалось весны, обещанной, но застрявшей где-то в дорожной пробке.

Но сейчас в Москве начиналось лето, второе лето здесь для Арины. Летом Москва становилась роскошной девой, фотомodelью из рекламы дорогих духов с ароматом нарциссов, изысканной и воодушевляющей. Арина любила Москву почти так же, как свой родной Владимир. Вот если бы не ветер и не холод, можно было бы гулять хоть весь день.

Оставались музеи. Там не пахло едой, не было никаких ограничений по времени, а кроме того, студентам там, как правило, предоставлялись большие скидки на вход – то, что надо. И интересно опять же. В Третьяковке, к примеру, можно хоть часами сидеть на обитой велюром скамье напротив, например, «Прачек» и пытаться вообразить себе их жизнь. Но по субботам в Третьяковке слишком много народу.

На Остоженке Арина остановилась перед вывеской МАММ¹, она была там однажды и хорошо запомнила это место. Шесть просторных этажей, фотографии в разных жанрах и стилях. Людей обычно немного. Просторный холл,

¹ Мультимедиа Арт Музей Москва.

удобные скамейки, белоснежные линии четкой, выстроенной кубом лестницы вызвали желание подпрыгнуть, расправить крылья и полететь на самый верх.

– Сколько стоит билет? – спросила Арина, а сама отвернулась и вгляделась сквозь стекло в большие шарообразные скульптуры, выставленные на первом этаже выставочного центра. Экспозиция постоянно менялась. Считалось, что все выставленное здесь было, что называется, «на острие».

Искусство. Арина мало что понимала в нем.

Фотографии она делила на две категории – нравится или не нравится. Впрочем, это касалось не только фотографий. Однажды Арина попала на выставку в «Гараже», где в горе мусорных мешков и пустых пакетов из-под молока и кефира лежал живой человек, женщина, практически голая, прикрытая только этими самыми мусорными пакетами. Инсталляция. Что-то о том, как современный мир технологий и информации погребает под собой истинную природу. Такое искусство Арине не нравилось. Она больше любила фотографии и картины природы и животных.

– Со студенческим билетом – сто рублей, – бросила билетерша и нетерпеливо заерзала на своем стуле. Очереди не было, и спешить повода тоже, но билетерша действовала на автопилоте.

– Хорошо, дайте, – Арина еще раз бросила взгляд на скульптуры-шары. Шары были, как сказала бы Нелли, «прикольные».

– Сегодня шестой этаж закрыт, – фыркнула билетерша. – Там будет пресс-конференция. Только для журналистов.

– Журналисты? – заинтересовалась Арина. Чем хороша Москва – в любую минуту можно оказаться в гуще самых невероятных событий. Съёмки кино про мертвецов, протестующие против чего-то студенты, разбрасывающие листовки под ноги прохожих. Журналисты с толстыми микрофонами с плюшевыми или поролоновыми наконечниками.

– Вон они – за ограждением, – указала ей билетерша, но Арина уже и сама увидела, что проход к квадратной бело-снежной лестнице временно отгорожен красными лентами на столбиках. За столбами, внутри искусственного ограждения, стояли стайкой сонные, недовольные жизнью журналисты. Справа от них, около стены, манили к себе банкетные столики с высокими, наполненными шампанским бокалами и с маленькими бутербродами-канапе. Арина облизнулась. Она подумала, что за хлебом нужно было зайти до выставки. Еще одна ошибка.

– А что там такое? – спросила она, кивнув в сторону медиа-сборища.

– Ненависть, – еще недовольнее ответила билетерша.

– Что? – Арина вздрогнула. Билетерша оторвала взгляд от экрана компьютера и изучающе осмотрела бледное, юное лицо Арины, две родинки на левой щеке, ее забранные в свободный хвост черные волосы, словно бы решала, стоит ли вообще отвечать этой малявке. Затем пожала плечами и сно-

ва фыркнула, мол, ходят тут неучи. Ничего не знают, ни за чем не следят.

– Выставка. Фотоработы какого-то культового фотографа. Он сегодня приезжает, так они его тут ждут. – И она добавила язвительно: – Папарацци.

– Ненависть? – недоверчиво повторила Арина, но билетерша уже, видимо, устала «общаться» с клиенткой. Она распечатала билет и сунула его ей в руки вместе с небольшой стопкой брошюр и проспектов.

Арина прошла сквозь стеклянные двери к шарообразным скульптурам. На белоснежных стенах красовались невероятно красивые фотографии. Миллион ярких цветов и форм, словно в объектив случайно попали параллельные миры и вселенные. Фотографии были просто невероятных размеров. Арина склонилась к табличке и прочитала название. «Неизведанные миры человеческой клетки». Этот запретный мир, оказавшийся макросъемкой микробиологических образцов, заставил Арину застыть с открытым ртом.

Красиво.

На секунду остановившись, Арина попыталась решить, куда ей пойти в первую очередь. К ее удовольствию, на третьем этаже были выставлены коллекции фотографий природы Русского Севера. Можно было «зависнуть» там. В другом проспекте было обещано, что посетитель сможет «прикоснуться к свету», который оживет в инсталляциях какого-то европейского художника. Инсталляция, гм. Посмотр-

рим. Третий проспект, цвета темного шоколада, был отпечатан на гораздо более плотной бумаге. Ничего, кроме надписи «Ненависть», выполненной светящимися, как будто висящими в темноте неоновыми буквами, на первой странице не было. За буквами, за каждой, если всмотреться, скрывались смутные фигуры, едва различимые на шоколадном фоне.

«Ненависть». Что красивого может быть в ненависти? Скорее всего, ничего, и вряд ли фотограф стремился запечатлеть красоту. Что-нибудь претенциозное, по принципу «чем отвратительнее – тем лучше»? И все же... любопытно, что же тут «культового», ради чего тут собрались все эти журналисты? Или ради кого?

– Телевизионщики ждут Коршуна, да? – спросила Арину проходившая мимо девушка лет двадцати пяти, высокая, почти такая же высокая, как Арина, но на высоченных шпильках. Арина ненавидела шпильки, почти весь год, за исключением очень уж суровой зимы, обходясь кедами или кроссовками.

– Коршуна? – вздрогнула Арина. – Я не знаю. А кто это? Девушка смирila ее презрительным взглядом сверху вниз, что было легко – Арина все равно сидела на лавочке. Тогда девушка вытащила «шоколадный» проспект из Ариных рук, развернула его и ткнула в фотографию, подписанную крупными белыми буквами – МАКСИМ КОРШУН.

Лицо мужчины. Выразительное лицо красивого мужчины, которому наплевать на то, что он красив.

В ярком квадрате цвета морской бездны его лицо в фас – так, как снимают людей на паспорт. Он растрепан, темная челка спутана и слегка влажная, будто он недавно занимался спортом и вспотел. Мужчина держит голову высоко, шея прямая, плечи гордо расправлены. На нем оранжевая роба наподобие арестантской. Мужчина смотрит прямо в объектив, в глаза тому, кто держит проспект в руках. В глаза Арины.

Взгляд колючий и злой. Лед и пламень. Губы плотно сжаты, челюсти сведены чуть ли не судорогой. Ненависть? «Какой пронзительный взгляд, – подумала Арина. А потом, неожиданно для самой себя: – Ах, какие красивые, умные глаза».

– Это он? – спросила Арина.

– Ага, собственной персоной, – девушка под села к Арине и потеряла ступню. Босоножки на шпильках натерли ей ногу. – Хорош, да?

– Ничего, – кивнула Арина, продолжая разглядывать фотографию. Если кому-то и нужно что-то делать, чтобы привлечь к себе внимание девушек, – только не этому фотографу. А ведь он был изрядно небрит, лохмат да к тому же вспотел. Он даже не пытался нравиться – ни камере, ни тем, кто потом увидит эту фотографию, но обе женщины тут же безоговорочно признали его чертовски интересным.

– Я не я буду, если не познакомлюсь с ним, – решительно воскликнула девушка и достала из сумочки пудреницу.

– Думаете, это возможно? – удивилась Арина, и в этот самый момент она вдруг отчетливо осознала, что мужчина с фотографии, которого она разглядывает уже несколько минут, сейчас появится прямо здесь. Он войдет в те же стеклянные двери, через которые прошла Арина. Он будет здесь *во плоти*.

Внезапно Арина почувствовала, что ей стало трудно дышать, будто она летит со снежной горки в санях, и ветер дует в лицо, а сердце замирает от восторга и страха. Дома у мамы, во Владимире, над ее кроватью висел плакат из журнала – Дженсен Эклз из «Сверхъестественного» улыбается зрителю доброй и открытой улыбкой. Он тоже был красивым от природы, нравился всем с первого взгляда, в его глазах тоже плясали язычки пламени. И можно было думать о нем, если хочется. Можно было даже представлять себе что-то невообразимое, представлять себя вместе с ним, но от этого никогда не перехватывало дыхание.

Ведь Дженсен Эклз никогда не спустится к ней с плаката. А мужчина с фотографии вот-вот будет здесь.

Арина вдруг тоже захотела пробраться за ограждение к журналистам и увидеть Коршуна в жизни, таким, какой он есть.

Вдруг бы он тоже увидел ее? Вдруг он бы ее *заметил*?

Не в этой жизни. Какая глупость! Вот если бы Арина была другой – в красивой одежде, с другими руками-ногами, не с такой бледной кожей и была бы блондинкой, к примеру...

Только не угловатым подростком, которому в девятнадцать больше пятнадцати не дашь. Если бы она была кем-то другим. Красивой и уверенной в себе женщиной. Тогда бы он мог ее заметить. «Тебя никто не хочет, ты же как ёж!»

– «Ненависть подобна сну о смерти, кошмару, от которого невозможно проснуться. Ненависть подобна мыслям о самоубийстве, которые вложены в чужие головы. Ненависть разрушает даже то, что любит. Ненависть побеждает детство и питает тех, у кого ничего нет. Ненависть убивает», – девушка на шпильках читала вслух, нараспев, слова из проспекта, а Арина молча слушала ее, парализованная абсурдными желаниями и нелицеприятными мыслями о самой себе. Она и не пыталась вникнуть в словесную вязь. Она не сводила взгляда с дверей.

– Выставка пробудет тут до двадцать пятого, а потом – тютю. Уедет в Лондон, – продолжала женщина. – Но он, конечно, здесь на каких-нибудь пару дней.

И вдруг Арина встала с места и застыла, как вкопанная. Проспекты выпали из ее пальцев и рассыпались по полу – она не заметила этого. Беспомощно она смотрела на небритого мужчину, остановившегося в стеклянных дверях, и сердце ее застучало громко и сбивчиво, дыхание почти остановилось.

В стеклянных дверях стоял он.

Странное дело, его словно никто не замечал. Возможно, его просто не узнавали. Но Арина узнала его сразу, несмотря на то что Максим Коршун, стоявший в стеклянных дверях, мало походил на человека с фотографии на проспекте. Он был высоким, расслабленным, улыбающимся, в руках держал выдавший виды рюкзак – турист, заглянувший в музей по ошибке. Слегка усталый, в темных очках, простых заношенных джинсах, кроссовках и слегка помятой футболке, он словно только что сошел с обычного поезда и ну никак не тянул на звезду.

Только большая, тяжелая фотокамера с громоздким объективом, висевшая у него на груди, указывала на его принадлежность к профессии. Волосы – светлый каштан – были совсем другого оттенка, но так же взлохмачены. Получается, темный цвет был эффектом вспышки? Или он красил волосы? Вряд ли. Скорее всего, волосы слишком контрастировали с морской бездной на заднем плане и от этого получились темнее. А может, они меняли цвет в зависимости от сезона.

Арина смотрела на него, а на кого или что смотрит он, было невозможно понять – большие темные очки закрывали чуть ли не половину лица. Арина стояла поодаль от толпы журналистов, рядом с большим шаром. В какой-то момент ей вдруг показалось, что Максим Коршун смотрит прямо на

нее из-под солнцезащитных очков, но она, разумеется, ошибалась.

Кто-то взвизгнул, толпа вздрогнула и зашевелилась, как разбуженный улей, и Максим развернулся в сторону камер. К нему тут же подлетела женщина с огромным микрофоном. Он снял очки и окинул взглядом толпу. В Аринину сторону он не посмотрел вовсе.

– Как долетели?

– На самолете, – после некоторой паузы ответил Максим. В толпе с готовностью засмеялись.

– Мы рады, что для премьерного показа своих работ вы выбрали Москву. Это происходит впервые, все ваши прошлые выставки проходили в Лондоне или Нью-Йорке. Как и почему был сделан выбор на этот раз? – спросила другая журналистка и вытянула руку с диктофоном повыше. Максим продолжал стоять почти что в дверях, будто раздумывая, стоит ли проходить дальше.

– В Нью-Йорке слишком большие пробки, – пожал он плечами и шагнул в толпу – легко, без видимого сожаления, и исчез из поля зрения.

Арина вдруг жутко расстроилась, хоть и уговаривала себя, что все это пустое, и что она за дура глупая?! Ясно же: такие мужчины, как этот Коршун, всегда будут отделены от таких девушек, как она, шелковой лентой. Они – на красных ковровых дорожках. Арина и ей подобные – в своих ветлечебницах, со своими котами.

Девушка на шпильках яростно препиралась с охранником около ленты, пытаясь пролезть за ограждение. У нее это не очень-то получалось. Охранник попросту отвернул от нее лицо и пропускал мимо ушей все ее аргументы.

«Арина, девочка моя, ну-ка подними с полу рюкзак и уходи отсюда, уходи немедленно и подальше. Уходи от греха!»

Сказав это себе, Арина тут же почувствовала себя несчастной. И она действительно встала, подхватила рюкзак, но вместо того, чтобы пойти к выходу, пересекла холл, завернула за угол, нажала кнопку вызова лифта и опрометью влетела в него, словно убегая от кого-то. Но никто не смотрел в ее сторону, все внимание по-прежнему было приковано к Максиму Коршуну.

Двери закрылись, окончательно отделив Арину от столь поразившего ее мужчины, и перед ней возникло ее собственное отражение – юное создание с черными волосами, с выбившимися из хвоста и в беспорядке повисшими вдоль лица прядями. Дышит так, словно убегала от маньяка. Щеки покраснелись и ярко выделялись на фоне ее белой кожи. Испуганные глаза, искусанные от досады губы. Чучело, чего она хотела? И, собственно, какое ей дело до скандальной звезды?

Она затравленно огляделась, пытаясь понять, что ей делать теперь. Двери лифта открылись на третьем этаже – и как раз напротив лифта, на белой стене сияло солнце над сибирской тайгой.

– Иди любуйся красотами Севера, – посоветовала она сво-

ему отражению, но... простояла без движения еще минуту, затем медленно подняла руку и поднесла ее к панели с кнопками. «Шестой» загорелся ярким огоньком, и раздался тихий звон. Лифт тихонько вздрогнул и пополз дальше наверх. Через несколько мгновений лифт снова открылся, и Арина шагнула вперед, впервые в жизни совершая что-то непозволительное, запрещенное.

Мысленно она уже видела себя в наручниках, в полиции, в слезах, но, когда она выбралась на запрещенный этаж, открытый только для прессы, там никого не оказалось.

Никого!

Ни охраны, ни даже старушек, обычно сидящих на стульчиках между залами. Скорее всего, они все ушли к лестнице, чтобы посмотреть на фотозвезду. Шум продолжающейся пресс-конференции доносился откуда-то снизу, а пустынный лабиринт стен предстал перед растерянной «лазутчицей», словно и был предназначен только для ее глаз.

«KILL THEM ALL»²

Огромный постер, фотография почти во всю стену. Граффити, сфотографированное то ли в переходе, то ли на бетонном ограждении железной дороги. Окружающее снято нечетко, расплывчато, и только надпись высвечивалась на фотографии ясно. Черная краска, аэрозоль. Арина приложила ладонь ко рту. Она словно почувствовала то, что чувство-

² Убей их всех (англ.).

вал тот, кто сделал эту надпись. Ярость, бессилие. Пустоту. Kill them all. Значит, мистер Коршун увидел эту надпись, остановился и принялся ее фотографировать. В ней было столько эмоций, что с лихвой бы хватило на десять пейзажей про Русский Север. Арина перевела взгляд.

Фотография ребенка, целящегося из громоздкого пистолета прямо в нее, заставила Арину отскочить. Где и как он мог сделать это фото? Может быть, это постановка? А если нет, то это просто ужасно.

Демонстрация. Полиция избивает ногами девушку, лежащую на асфальте. Ее лица не видно, только тело – оголенный торс, бесстыдно обнажившаяся грудь. Мужчина в форме волочет ее за одежду, поэтому одежда и задралась.

Футбольные фанаты сжигают машину, случайно попавшую им на пути.

Окровавленные кулаки. Не шутка, не подделка, нет. Этими руками кого-то только что били. Что он, Максим Коршун, там делал? Как ему удалось сфотографировать одни кулаки, только их – и ничего больше, да еще таким крупным планом.

Что он за человек?

Глядя на огромный снимок, почти в половину стены, Арина кусала губы. Электрический стул. Пустой, пугающий. Ждущий новую жертву в свои объятия. Ненависть – это сон, от которого невозможно проснуться. Арина вдруг осознала, что стоит одна-одинешенька посреди зала, а голоса становятся вдруг заметно слышнее и ближе. Она огляделась в расте-

рянности, все еще потрясенная увиденным и не вполне способная мыслить последовательно. Сейчас придут и спросят, что она тут делает и как сюда попала. Возможно, ее будут выпроваживать с выставки, а он, Макс, поднимет свою камеру и примется фотографировать ее. Ведь это так работает, да?

Арина быстро прошлась по залу и поняла, что спрятаться можно только в единственном месте – в самом углу за белой стеной скрыто маленькое помещение, покрашенное черным цветом. Здесь не было фотографий, но стояло несколько стульев, а на стене работал большой телевизор. Арина опустилась на стул и прислушалась. Телевизор работал без звука и не отвлекал. Арина почти на него не смотрела. Она услышала шаги, много шагов сразу. Пресс-конференция явно переместилась на шестой этаж. Интересно, они пришли сюда смотреть очень, очень качественные фотографии кричащего человека с лицом, перекошенным от боли, – с бокалами шампанского в руках? С бутербродами?

– Я не занимаюсь военной журналистикой. И я не документалист, хотя, случается, мне удастся запечатлеть моменты истории, которые можно отнести к этим двум жанрам, – его голос звучал близко, очень близко. Наверное, он стоял прямо за стеной.

– Какие нужны условия, чтобы простая фотография стала искусством? – Женский голос. Арина прислушалась еще внимательнее. Значит, вот что она только что видела. Искусство. Настоящее искусство должно ранить. Кто это сказал?

Арина слушала, а глаза ее, уже привыкшие к полумраку этого закутка, зафиксировались на безмолвном видео, проигрывавшемся, видимо, по принципу «нон-стоп», без остановки. Джунгли.

– Либо ты должен оказаться в правильном месте, либо ты должен быть в правильном состоянии души. Момент и того и другого – уникален и скоротечен. Всему рожденному однажды суждено умереть. Кто-то грезит о жизни вечной и об отпущении грехов, а кому-то не удастся дожить до возраста восьми лет, – голос его звучал уверенно, глаза Арины были прикованы к экрану. По джунглям, залитым солнечным светом, бежит жираф. Где он мог снять это? И почему на камеру? И почему – ненависть, если жираф такой веселый, так легко бежит по зеленой траве.

– Вы бы назвали свои работы социально направленными? – спросил мужской голос. Видео, видимо, было сделано на любительскую камеру или на мобильный телефон. А возможно, это был какой-то специальный эффект. Арина вдруг поняла, что это не взрослый жираф. Это теленок. Слишком резво бежал он, слишком много восторга, и слишком высоки рядом деревья.

– А вы бы отнесли их к разряду открыток на Рождество? – спросил Макс журналиста, и тон его был колючим, злым. Арина почти не отследила, что на видео перед ее глазами что-то поменялось. Какая-то мелочь, какая-то маленькая, еле уловимая деталь. Она ничего не успела понять. Жирафе-

нок все бежал и бежал, и камера бежала за ним, и странные оранжевые брызги разлетались в стороны. Что это такое?

– А ваш отец, он планирует посетить выставку? – спросил кто-то. Арина вдруг сжалась в комок и перестала слушать то, что говорят. Ее взгляд оказался намертво прикован к молодому жирафу, и вдруг стало со всей очевидностью ясно, что именно происходит на этой пленке и почему это видео занимает почетное место здесь, на этой выставке. Охота. В полной тишине в маленького жирафа попала браконьерская пуля, и брызги оранжевого цвета – его кровь.

– Если у вас есть вопросы к моему отцу, вы должны адресовать их ему, – Арина беспомощно смотрела на то, как радостный бег жирафа замедляется, а оранжевые струи брызжут все сильнее. Еще несколько мгновений, и тонкие, пятнистые ноги перестали слушаться животного. Арина вскочила и чуть не закричала.

– Какой работой вы гордитесь больше всего? – Женский голос пролетел мимо сознания Арины. Жираф упал, он еще дергался, пытаясь подняться, но было ясно, что это ему не удастся. Рана была смертельной.

– Я думаю, вы сами должны сделать выбор, – Максим раздраженно запустил ладонь в волосы. – Прошу вас, перейдем к осмотру.

– Конечно, – и за стеной снова зашелестели шаги. Арина стояла и смотрела на неподвижно лежащего жирафа, пока экран телевизора вдруг не погас и не зажегся снова.

Джунгли, яркий солнечный свет. Сейчас сюда прибежит еще живой жираф. По лицу Арины текли слезы.

– О, привет! – Тихий мужской голос раздался, как гром среди ясного неба. Арина повернулась и с ужасом поняла, что он сам, Максим Коршун, стоит перед ней, загораживая проход.

Он стоял, сощурившись, и пытался разглядеть ее лицо в полумраке комнаты.

– Что? – Арина вздрогнула и инстинктивным движением поднесла ладонь к лицу, как будто защищаясь.

– Что это вы тут прячетесь? Вы не из журналистов, я правильно понимаю? – Его глаза приспособились к сумраку, и он нахмурился, улыбка исчезла. Он сделал шаг ей навстречу, но выглядел обеспокоенным и удивленным. – О, да вы плачете? – спросил он, словно не верил в это. Арину охватил приступ паники. Она не знала, что отвечать и как найти в себе силы сказать ну хоть что-нибудь. Вот он, стоит перед ней, он ее *заметил*, как она и хотела. Вот только... зачем он с ней говорит? Что он тут делает? Зачем он сделал это ужасное видео, которое теперь будет преследовать ее вечно?

– Он умер, да? – прошептала Арина, не пытаясь прятать слез. В этом не было смысла, и ей было все равно, что он увидел ее такой – растерянной, некрасивой. Максим сначала, кажется, не понял вопроса. Затем перевел взгляд на экран.

– Жираф? Да, конечно... я...

– И вы были там? – перебила его Арина. Голос дрожал, она

почти ничего не соображала. Максим помолчал и кивнул, не сводя глаз с ее заплаканного лица.

– Да, я был там.

– Вы попытались его спасти?

Максим молчал, удивленно глядя на нее, на ее горящие синим гневом глаза.

– Честно говоря, такой возможности у меня не было. И не в этом заключалась моя работа, – он протянул руку, будто хотел стереть слезы с ее лица или, может быть, просто к ней прикоснуться. Арина отдернулась, помотала головой и жестом остановила его.

– Мне надо идти... – Она протиснулась между ним и стеной, на секунду подойдя к нему так близко, что почувствовала запах его тела – еле уловимую смесь пота, усталости, дорогого дезодоранта, чего-то неопишимо индивидуально-принадлежащего только ему одному. Голова кружилась, но это не остановило ее. Она вылетела в центр выставочного зала, огляделась вокруг. Все – журналисты, охранники, девушка в босоножках, которой, как видно, удалось все же договориться с охраной, – смотрели на нее с изумлением.

– Подождите, – крикнул ей вслед Максим и, кажется, даже пошел за ней, но звук его голоса утонул в десятках разговоров, в шелесте шагов, цоканье шпилек, щелканье фото вспышек.

Арина озиралась в поисках выхода, загнанная, запутавшаяся в лабиринте белых стен и ужасных фотографий, совсем

как тот жираф. Нужно бежать, нужно постараться убежать от этих чудовищ, называющих убийство искусством. Арина была в ярости. Она бросилась прочь, слетев вниз с белоснежной лестницы. Она не оглянулась, не остановилась, подвернула ногу, но бежала дальше, прихрамывая.

Она остановилась только в квартале от выставочного центра, на соседней улице, и разревелась, как маленькая. Ей было до ужаса, просто до ужаса жалко жирафа.

Такой Арина была всегда. Родители жили в своем доме на окраине Владимира. Рай, да и только. И огород тебе – пожалуйста, и живность – сколько хочешь. Если бы не дочка Арина. Уж пес ее знает, в кого она пошла такая чудная. Мать называла ее ненормальной, кричала, чтобы та перестала «ей мбзги делать», но Арина стояла посреди их большого двора, огороженного деревянным забором, смотрела на мать волком, прижимала к себе крикливого петуха Петю и кричала:

– Нет! Не режь его!

– Да он старый, – всплескивала руками мать. – На черта он мне сдался? Может, ему еще пенсию начать платить?

– Петя не виноват, что он старый! Бабуля тоже старая, что ж ее – на суп пустить? – Арина смотрела на мать исподлобья, как на врага и предателя родины. С тех пор как мать вышла на пенсию, хозяйство у родителей разрослось – куры, поросята на продажу, козье молоко, яйца. И мать, и отец воспрянули, с головой погрузившись в идею жить «на всем своем». Было время, что и кроликов держали, но на их умерщвление Арина реагировала, будто резали и снимали ценный мех с нее самой. Пришлось от кроликов отказаться.

Зато Арина с удовольствием пасла козу, носилась с цыплятками, как с писаной торбой, собирала яйца. И все шло хорошо до следующего «казуса», когда дочь снова принима-

лась «делать мозги». Когда, к примеру, Арина, вся в слезах, наотрез отказалась есть котлеты «из лучшего друга», свинки Гришки, отстоять которого Арине не удалось.

– Он умел улыбаться! – Арина сверлила мать взглядом, от которого сердце переворачивалось. Бледная, растрепанная, она испепеляла ее синим блеском недобро смотрящих глаз. Странная уродилась. Две родинки – встарь говорили, такие родинки, да на лице – признак нечистой силы. С животными общается, как с родными, словно бы их язык понимает или что.

– Да кто, кто умел улыбаться? – сквозь зубы цедила мать. Отец, насупившись, давился котлетой «из друга», вкусной, в грибной подливке.

– Гришка. Гришка умел. Он мог почти разговаривать!

– Лучше бы ты с людьми дружила, – хмыкнула мать.

– А фарш магазинный-то жрешь ведь! – ехидно заметил отец, втягивая к себе на тарелку третью котлету «из Гришки». – Не вегетарьянка же ты у нас!

Умом Арина все понимала. Родители не виноваты. Все жили так, как они, и они живут, как все остальные. Никому вокруг и в голову бы не пришло смотреть на свинью как на живое существо. На то она и деревня, чтобы воспринимать реальность проще и прагматичнее, а может, и здоровее, чем в больших городах. Поросенок – это котлеты и холодец, которые бегают по двору и не требуют места в холодильнике.

Потому-то Арина и уехала из Владимира.

Потому и просиживала ночь через две в белой кафельной приемной ветеринарного центра на Красносельской, помогая кошечкам, которых тошнило из-за проглоченной шерсти, и спасая собачек, которых покусали пироплазмозные клещи. Чтобы ни с кем не спорить. Чтобы не обижать никого.

А теперь Арина, получается, обидела этого фотографа, с которым так мечтала... что? О чем? Беспокойные, бессвязные образы крутились в ее сознании – его плотно сжатые губы разжимались, приближались к ее губам, его спутанная челка щекотала ее лицо, напряжение его взгляда заставляло сердце колотиться сильнее. И придуманное ею самой будущее, такое нечеткое, похожее на нарисованную акварелью любимую сказку, ее будоражило. Стоило лишь вызвать в памяти его лицо, как пересыхало во рту и щеки покрывались румянцем.

Арина еще продолжала плакать, еще бежала сломя голову по дороге, но уже жалела о том, что сделала. Ведь он – он заговорил с ней. Почему он заговорил с ней? Он, получается, заметил ее. Мысль обожгла и заставила остановиться.

Интересно, когда он заметил ее? Там, в полумраке комнаты с телевизором – или еще на первом этаже, из-под своих солнцезащитных очков? О чем он подумал, когда увидел ее? О том, какая она потешная и несуразная в этих кедах? Какое уродливое заплаканное лицо?

А если она ему понравилась?

Нет, это невозможно. Как правильно говорила Нелли, «те-

бя вообще никто не хочет, ты как ёж». И все же... Она могла бы сейчас стоять рядом с ним, разговаривать, может быть, познакомиться с ним поближе. А что было бы дальше? О, этот вопрос Арина себе даже не задавала. Что-нибудь восхижительное, что-то, чего никогда в жизни с ней не случилось. Она никогда в жизни не стояла так близко к мужчине, от одного запаха которого подгибаются колени. А она, дура, значит, попрекнула его съемкой жирафа.

Солнце. На улице действительно потеплело – ни следа от утреннего неюта, словно и не было стальных туч и холодного ветра. Московское лето изменчиво, в Москве лето делается исключительно солнцем, его могучей волей, его жгучими лучами. Арина сощурилась, глядя сквозь пальцы на сияющий и ослепляющий желтый шар. В воздухе пахло свежестью и только что распустившимися цветами. Вот почему ей больше не холодно.

На первом этаже маленького бежевого особняка в продуктовой лавчонке Арина ненадолго остановилась у хлебной полки. Там были и какие-то пирожные, и затейливо перекрученные слойки, и бублики, но здравый смысл победил – Арина купила батон и бутылочку сладкого йогурта с вишней, который она обожала.

– Восемьдесят пять рублей, – равнодушно бросила ей кассирша. Арина сгребла еду с прилавка, вышла на улицу и остановилась в задумчивости.

Еще можно вернуться к выставочному комплексу, и он,

скорее всего, еще там. Но зачем? И кто вообще ее пустит обратно, если и билет, и проспекты она оставила на полу первого этажа? И даже если не это, что она ему скажет? Хороша! Наговорила гадостей, обвинила черт знает в чем – и убежала.

Разозлившись вдруг на себя, она вонзила зубы в батон. Да пошло оно все к чертовой бабушке. Звезда. Вот пусть там, в небе, и сияет. А она поедет гулять в парк.

– Между прочим, я рисковал жизнью, чтобы сделать это видео.

Звук незнакомого мужского голоса ворвался в ее сознание, как стрела в сердце. От неожиданности Арина подпрыгнула. А обернувшись, изумленно застыла. Максим Коршун. Он был тут, стоял всего в шаге от нее на залитой солнечным светом московской улице – самоуверенный, в солнцезащитных очках, с шальной улыбкой, блуждающей на губах. Мачо.

– Что вы здесь делаете? – выдохнула Арина.

– А жизнью я дорожу, да будет известно вам, деточка. Жизнь – это единственное, что у меня есть, – продолжил он, стоя, как стоял, без движения. Он что, пришел снять с нее стружку?! Откуда он взялся здесь? Как нашел ее? Может быть, он просто шел мимо? Предположим, на какую-то другую встречу в другом музее. Шел себе, шел и увидел невоспитанную особу в дурацком джинсовом платье и решил ее отчитать.

– Все равно так нельзя, – пробормотала Арина, пряча надкушенный батон за спину.

– Чего нельзя, дитя милое? – тоном несколько сверху вниз полюбопытствовал он и небрежным жестом стянул очки с переносицы. И его серые глаза показались ей еще светлее в солнечном свете – зрачок сжался до точки. А сам он словно светился, согретый лучами. Она согласилась бы простоять вот так, глядя на него, целую вечность. Все ее тело словно загоралось в ответ на его присутствие, и обжигающе горячие волны пронзали ее от макушки до пяток.

Кажется, он прекрасно понимал, какой эффект производит, и с интересом рассматривал ее потерянное лицо. Затем тряхнул головой, ладонями взлохматил волосы, и Арине вдруг невыносимо захотелось прикоснуться к нему, поправ все приличия.

– Так чего же нельзя, моя дорогая? Проект – социальный, и он должен возмущать и будоражить сознание, разве не так?

– Нельзя стоять и спокойно смотреть, как кто-то убивает невинное животное, – отвечала Арина тихо, но твердо.

– Ага, я понял! – кивнул он. – Лучше было мне лечь под пули, защищая жирафа. Вы бы, наверное, того и хотели – чтобы я именно так поступил.

– Нет! – запоздало заволновалась Арина. – Я не это хотела сказать.

– Почему нет? Ровно это вы и сказали. Встань я между браконьерами и жирафом, я бы тогда оказался честным человеком. Мертвым, но честным. И пусть никто никогда не узнал бы ни обо мне, ни о жирафе, ни о браконьерах Южной

Африки. А вы представляете себе, как сложно было их уговорить позволить мне снимать?

– Не представляю, – Арина снова решилась посмотреть на него и вдруг заметила, что он смотрит, не отрываясь, на ее приоткрытые губы. Автоматически, даже не заметив того, она прикрыла их кончиками пальцев. Зато Максим заметил ее жест, и глаза его вдруг вспыхнули огнем, от которого и Ариного сердце воспламенилось и застучало, как сумасшедшее.

Вот бы он ее поцеловал. Она бы, наверное, тут же и умерла!

Но Максим покачал головой, глубоко вздохнул и отвернулся от нее.

– Если вы говорите что-то, для начала было бы неплохо подумать над тем, что вы хотите сказать.

«Только не уходи». Это был крик души – или крик ее тела. Арина не понимала, что с ней происходит и откуда эта паника от одной мысли, что сейчас он уйдет.

– Я понимаю, что вы делали то, что считали правильным, – мучительно выговорила она, пытаясь заставить себя перестать на него пялиться.

– Вы сказали, нельзя фотографировать, как убивают животных. Но ведь никто никогда не узнал бы, что там происходило, верно? Разве не это и есть главное зло – позволить всем спокойно жить в неведении?

– Тогда и коров снимайте! – вдруг вскипела она. – Их уби-

вают тысячами, и не придется ехать в Африку.

Конечно, он уйдет. После такого! Сейчас выскажет ей все, что думает о ней, – и уйдет. И она больше никогда его не увидит.

Арина вдруг почувствовала, как слезы снова наворачиваются ей на глаза. Ее тело реагировало на одно его присутствие, реагировало против ее воли, и такого еще никогда, никогда не случалось с нею. Она просто сошла с ума.

– Не хотите перекусить? Или насытились этим? – Он улыбнулся, кивнув на ее батон.

В кафе за стеклянными дверями с выставленным на тротуар меню – чтобы не смущать тех, кто все равно не сможет себе этого позволить, – почти никого не было. Терраса с коваными столиками подогревалась газовыми обогревателями. Кресла с мягкими подушками, уютные светильники, неярко подсвечивающие зеленую листву деревьев в сквере.

Арина сидела перед огромной тарелкой, в самой середине которой возвышался искусно сложенный трехэтажный десерт, справиться с которым было, на ее взгляд, невозможно. Особенно под пристальным взглядом красивых внимательных глаз. Максим почти не ел, лишь улыбался и задавал вопросы, от которых Арину бросало то в жар, то в холод. Он словно играл в прятки с самим собой, и невозможно было понять, чего же он все-таки хочет, для чего догнал ее там, на улице. Для чего привел в это кафе.

Он вел себя странно и словно все время чего-то ждал от нее.

– Так вы, значит, борец за права животных? – спросил он немного насмешливо.

– Нет, – Арина замотала головой.

– А много животных вы лично спасли от смерти?

– Когда?

– Что когда? – не понял он.

– Когда спасла? – уточнила Арина. Максим хмыкнул.

– Ну, скажем, на прошлой неделе, – он выжидающе смотрел на нее. Арина поддела ложечкой кусочек нескончаемого десерта и отправила себе в рот. Вкусно. Она не отрывала взгляда от глаз Максима.

– Трех, – сообщила она спокойно. Ага, получил? Черт, какой вкусный десерт. Она никогда не пробовала ничего подобного.

– Что? – Резко очерченные брови взлетели вверх.

– Двух котов и одного терьера, – увереннее продолжала она. – Жизнь остальных была вне угрозы.

Макс растерянно замолчал, словно потерял мысль или даже целую речь. Он оглядел ее с ног до головы, отчего по всему ее телу пробежали мурашки.

– Но вы же совсем ребенок! Сколько вам лет? – Так, значит, вот как он ее видит. Нелли ошиблась, ее видят не как ежа, в ней видят ребенка. Неизвестно, что хуже.

– Девятнадцать. А вам? Сколько лет вам? – ответила Ари-

на с вызовом. Станным образом вопрос удивил Максима больше, чем она ожидала. Он подавился чаем и долго откашливался. А затем уставился на нее с подозрением.

– Вы не знаете, сколько мне лет? – переспросил он.

– Откуда мне это знать? – опешила Арина. Максим замолчал, словно раздумывая, стоит ли открывать ей свою великую тайну. Это почти женское кокетство развеселило Арину.

– Я же вам сказала, сколько мне лет? Вы что, теперь боитесь оказаться слишком старым?

– О, вот вы как заговорили. А сколько вы мне дадите? – Игривые бесенята снова проскочили в его взгляде.

– Не знаю. Двадцать? Тридцать? – предположила она, и он расхохотался.

– Развилка и льстит, и убивает. Мне двадцать девять. Получается, я старше вас ровно на десять лет. Вам это не кажется слишком страшным? Вставных зубов у меня нет! – заверил он ее с хорошо сыгранным «паническим волнением» на лице.

Арина заулыбалась, краснея под шальным взглядом темно-серых глаз. Непрошенные мысли – каковы были бы его поцелуи на вкус? – разжигали ее, и она всерьез боялась, что он сможет прочесть это в ее глазах.

Он сидел слева от нее, вытянув вперед длинные ноги. Глаза прикованы к каждому ее неловкому движению, к каждому ее взгляду. Играет с нею, как кошка с мышью. Как кот...

– Нет, не кажется, – пробормотала она. Тогда он отставил

в сторону чашку своего травяного чая и приблизился к ней почти вплотную, так что она почувствовала запах ромашки на его губах.

– Вы считаете себя совсем взрослой, не так ли? – он заглянул ей в глаза. Между ними оставалось не более сантиметра, но он не спешил преодолеть этот сантиметр. Время остановилось, и каждая клетка ее тела словно взбесилась от этой близости, и пела, и кричала, и требовала невозможного.

«Поцелуй его! Поцелуй его сама!»

Еще несколько секунд, и Арина сделала бы это, хотя это и было совершенно недопустимо, неприлично, непристойно и шло вразрез со всеми ее представлениями о том, как надо и как не надо себя вести. Еще час назад она не знала, кто он такой, Максим Коршун. Да и сейчас она мало что знает о нем. Какие еще поцелуи!

Но тут Максим откинулся в своем кресле, и момент был упущен, отчего Арина почувствовала облегчение, смешанное с разочарованием. Жилка на виске пульсировала, кровь бурлила так, будто ураган прошел по ее телу. Максим же оставался спокоен – или, по крайней мере, казался таким.

– У вас есть парень? – спросил он внезапно.

– Нет, – ответ вылетел быстро, сам собой, без раздумий.

– Правда нет? Или его просто сегодня нет с вами?

Арина вспыхнула от обиды.

– Совсем нет, – сердито пробурчала она.

– Но почему? – искренне удивился Максим. – А, я понял.

Вы просто успели разочароваться в любви, я прав?

– Как вы догадались! – скривила рожицу Арина. – И вообще, я не хочу говорить на такие темы!

– Хорошо, в таком случае давайте придерживаться трех тем – погода, природа и городские сплетни. Идет? – Он задорно улыбнулся.

– Разве городские сплетни – это приличная тема? – Арина опешила.

– А кто сказал, что я хочу говорить с вами на приличные темы? Кстати, о неприличном... Вам никогда не говорили, что вы похожи на Белоснежку? Поразительное сходство. У вас такое интересное лицо, такие выразительные глаза! И эти родинки... – Он протянул руку и прикоснулся к ее щеке, отчего Арина покраснела, а глаза ее расширились от ужаса. – А хотите, я вас сфотографирую? Фотосессия, мы бы нашли костюмы и...

– Нет-нет! Не надо, – не дослушав, запротестовала она.

– Но почему? – разочарованно протянул он. Обычно девушки реагировали иначе. Максим вздохнул. Странная она какая-то. Невероятно, что такая девушка – и вдруг поклонница его творчества. Как правило, у него совсем другие поклонницы. Не такие... м-м-м... наивные и юные.

– Значит, вы ходите по городу и спасаете бездомных котов и терьеров? Я правильно понял?

– Я работаю в «Умке».

– Где, простите?..

– Это такие клиники ветеринарные. Целая сеть. Я учусь на ветеринара, а там я работаю по ночам.

– По ночам? – Максим как-то вдруг подобрался, сел ровнее и сосредоточился. – А днем учитесь, да?

– Да. Сейчас, правда, сессия.

– И какой курс? – Улыбка словно улетела в теплые края, и лицо Максима становилось все серьезнее.

– Первый. То есть будет второй, – Арина смутилась, и ее охватило ощущение того, что что-то не так.

– А чем вам нравится мое творчество? – спросил он.

– Чем нравится? – Арина растерялась. Ну, конечно. Он не допускает и мысли, что его творчество ей не нравится. Ей совсем не нравилась эта его «Ненависть», но не признаваться же в этом! Конечно, он известный фотограф и не будет огорчен тем, что какая-то девчонка думает о его «жестком» подходе к фотографии.

– Может быть, вам больше по душе «Последовательности»? – продолжил он с любопытством. Арина ответила на его взгляд полнейшим непониманием.

– Последовательности?..

– Послушайте, я... Признаться, вы ставите меня в тупик, дорогая Белоснежка. Я испытываю смутные сомнения. Такое ощущение, что вы ничего не слышали и не знали обо мне до сегодняшнего дня, – проговорил он с легким смешком, однако одного его взгляда на лицо Арины хватило, чтобы смех оборвался.

– Но постоит, а как вы оказались на выставке? – Он встал и отошел к проему террасы. – Не надо, не отвечайте. Я, кажется, понял... – Его губы скривились в горькой усмешке. – Вы оказались на выставке совершенно случайно?

Что еще оставалось Арине? Она кивнула, и, без сомнения, Максим Коршун был сражен этим простым фактом.

– Ага, – озадаченно пробормотал он и с преувеличенным вниманием стал разглядывать газовые обогреватели, стоявшие по границам террасы.

– Ну и что? – смутилась Арина. – Важно ли это, что мне нравится, а что нет? Я же не специалист в фотографии, что может значить мое мнение?

Он обернулся к ней – серьезный, задумчивый, сосредоточенный.

– Ваши работы очень сильные и... и... – она замялась, начав тараторить. Максим и не думал ей помогать. Она мерзла под его похолодевшим взглядом, словно тучи снова закрыли солнце и грозовой ветер налетел на нее. – Они интересные. И сильные. Тот ребенок с пистолетом. Очень сильно.

Максим неожиданно присел рядом с ней на корточки, отчего его лицо оказалось прямо напротив ее, побледневшего. Он поднес руку к ее волосам, поправил выбившуюся прядь волос. От этого прикосновения, очень нежного, у Арины закружилась голова.

– Вы три раза сказали – сильные. Я вас понял, дорогая Белоснежка, – в его голосе звучало почти сочувствие, кото-

рого Арина не могла объяснить. – Но вы ничего обо мне не знаете. Уверен, вы ни за что бы не остались со мной, если бы знали меня.

Арина поняла, что сейчас он уйдет. И еще – что у него, вероятно, было очень много женщин.

А потом все кончилось. Максим преобразился – поднялся, достал из кармана телефон и включил его. Несколько коротких «бип» показали, что все это время его кто-то искал, ему звонили, его домогались. Он просмотрел сообщения, позвонил кому-то, сказав, что «скоро будет», и предложив «послать их всех к черту, он делает, что захочет». Затем скользнул по ней отстраненным взглядом – как по детали интерьера.

– Вам вызвать такси? – спросил он, и тон его был чрезвычайно любезным. Арина с трудом подавила слезы и заставила себя говорить.

– Нет, не надо.

– Вы уверены? Мне это совсем не сложно.

– У меня... у меня еще есть дела, – ее голос звучал глухо, слова с трудом слеплялись во фразы.

Максим оторвался от телефона и взглянул ей в лицо – смотрел долго, изучая его.

– Мне почему-то не хочется вас отпускать, Белоснежка, – вздохнул он почти с сожалением.

«Так не отпускайте!» – захотела крикнуть она. Он ей нра-

вился, очень нравился, никто ей не нравился так – с первого взгляда, с первой же фотографии на фоне морской бездны. Но он ушел, бросив официанту на стойку бара какие-то деньги. Не обернулся, не посмотрел на нее и не спросил ее имени.

– Господи, ну нельзя быть такой глупой! – всплеснула руками Нелли. – Когда это он успел тебе понравиться? Это и знакомством-то нельзя назвать. Сколько времени вы общались?

Арина задумалась.

– Наверное, час. Может быть, два. Я не помню, – ее голос опять прервался, как будто она болела ангиной или бронхитом.

– Вот видишь, ты даже не помнишь! – осуждающе кивнула Нелли. – Значит, ничего страшного произойти не могло.

– Но я помню его, – прохрипела Арина подавленно. Нелли замерла в раздумье. Она видела, что вчера Арина пришла домой сама не своя, ни тебе разговоров, ни косых взглядов в ее, Неллину, сторону. Пришла, заперлась в ванной, где, кажется, плакала. Долго. Потом легла вроде бы спать, но ночью снова плакала – тихо, как какой-то котенок, потерявший хозяев. На все вопросы отвечала, что ничего, мол, страшного и что, мол, глупости одни. Но когда к утру Нелли обнаружила в раковине так и не вымытую гору посуды, она забеспокоилась по-настоящему.

– Тебя кто-то обидел? У тебя бабки украли? Ты заболела? Кто-то сдох? Может, какой-нибудь щенок брошенный? – Нелли допытывалась не на пустом месте – искренне волно-

валась. Арина лишь головой мотала и отворачивалась к стене, накрываясь до самых глаз одеялом. В конце концов, когда все же выяснилось, что все эти горькие слезы из-за какого-то парня-фотографа, Нелли расхохоталась.

– Боже, ну что за чушь! Из-за мужика?

– Нет! – почти закричала Арина. – Ты не понимаешь!

– Конечно, куда мне... Что у тебя случилось? Любовь с первого взгляда? Надо же... А мы решили, что ты – робот или инопланетянка и у вас, у таких, просто не бывает сердец. Значит, прекрасный принц на белом «Мерседесе»? А теперь расскажи мне, что он особенный, и других таких нет, и твое сердце теперь разбито.

– Ничего не разбито, – устало пробормотала Арина. Бессонная ночь сказывалась, голова кружилась, а мысли были такими вязкими и тугими, что додумать до конца хотя бы одну было сложно.

– Еще бы! – воскликнула Нелли. – Потому что за час-два сердца не разбиваются. Это все – играй гормон. Ты еще такого не переживала, да? Вот тебя и затрясло. Но на самом деле таких мужиков будет у тебя еще сто штук зараз. Забудь – и все.

– Я и забыла, забыла! Забываю... – кивнула Арина с готовностью. Всю ночь его лицо стояло у нее перед глазами. Его прекрасное лицо, то ли сон, то ли галлюцинация. Его шальные глаза, и она смотрела в них, словно прыгала в пропасть без парашюта. Захватывало дух, и если поддаться это-

му наваждению, то она могла вспомнить тонкий, приятный запах, его запах.

– Вот и молодец. Давай я тебе чаю сделаю... – Нелли демонстративно выудила из заполненной доверху раковины две чашки и принялась мыть их, разбрызгивая воду. Арина вскочила и оттеснила ее.

– Дай я лучше сама.

Нелли не возражала. Сама так сама, тем более что так у них повелось: уборка, посуда и прочее – на Арине. Зато счета за электричество и воду на Нелли. Счета, впрочем, надо признать, небольшие.

– Так, – хлопнула в ладоши Нелли, – раз ты его уже забыла, ты мне скажи, старой черепахе Тортиле, в чем проблемка? Ну не замутила ты с этим, прости господи, и черт бы с ним!..

– Я не понимаю, зачем он догнал меня, – решилаь наконец Арина. Ей нужно было с кем-то поговорить, а Нелли хорошо разбиралась в мужчинах. Как ни крути, а этого у нее не отнимешь. Она умела одним жестом, взглядом, одной ухмылкой притянуть к себе мужчину и заставить плясать вокруг себя. Даже платить за ночь с собой, между прочим. Хотя Арина и была потрясена таким прагматичным подходом, и все же... Она не представляла, чтобы кто-то в здравом уме захотел платить за ночь с нею. С бледной, угловатой тенью.

«Вы похожи на Белоснежку!»

Арина вздрогнула, вспомнив тембр его голоса. Она не

услышит его уже никогда.

– Догнал почему? Все очень просто, – уверенно высказалась Нелли, поправляя белый лифчик, бретелька которого сползла на плечо из-под майки. – Обидеть художника может каждый. Ты его обидела, вот он и захотел тебе разъяснить, что к чему. Он же не знал, какая ты гринписовка.

– Сама ты гринписовка, – отмахнулась Арина.

– Я? Что ты! Разве мне есть дело до жирафа? Хотя... из них шубы шьют?

– Иди ты в баню! – оскорбилась Арина, но ненадолго. Было ясно, что Нелька шутит.

– В баню-то я с удовольствием. Особенно если в хорошей компании, – подмигнула Нелли.

– А зачем он меня в кафе пригласил? – одними губами спросила Арина. Нелли задумчиво осмотрела ее с ног до головы, словно прикидывая, что в ней могло заставить человека, нет, мужчину в здравом уме и твердой памяти потащиться в кафе с этой малолетней колючкой в кедах.

– Может быть, есть захотел? – предположила она. Арина вспыхнула и принялась еще яростнее тереть тарелки.

– Наверное, из обычной вежливости. Увидел мой батон, – голос Арины выдал ее разочарование, как она ни старалась упрятать его поглубже. Так было всегда – она ничего не могла скрыть, как ни пыталась.

– Батон? Какой батон? – опешила Нелли. Арина горестно вздохнула и кивнула на лежащие на столе остатки. Лицо

Нелли выразило всю гамму ее эмоций.

– Нет, это невозможно! Он повел тебя в кафе, чтобы попросту накормить! Какой кошмар. Позорище, как я теперь должна себя чувствовать? Я что, морю тебя голодом, чтобы ты посреди города жевала батоны?

– Я не завтракала, – проямлила Арина.

– А почему? Кто тебе мешал позавтракать? У нас еды в доме нет? – возмущалась Нелли. Арина молчала, потупив очи. Не объяснять же Нелли, что она не завтракала, потому что по квартире бродил ее Сергей, причем в одних трусах.

– Ладно, – выдохнула Нелли. – Нам с ним семью не строить, верно? Плевать, что он там подумал.

– Он сказал, что я похожа на Белоснежку, – зачем-то сообщила Арина.

– Я сказала – забудь, а ты продолжаешь сопли жевать. Какая разница, что сказал тебе этот дурацкий фотограф?! Белоснежка? – Нелли задумчиво посмотрела на Арину. В пижаме, с припухшими от слез глазами, с обветренными губами, с этими родинками на левой щеке она была скорее похожа на начинающую ведьмочку. Хотя Нелли призналась себе, что есть в этой девчонке своеобразная дикая грация. Наверное, если ее одеть получше... Хм...

– А я похожа на Белоснежку, как ты думаешь?

– Ты в курсе, что та жила с семьей гномами? – усмехнулась Нелли. – А насчет того, что я думаю – девочка моя, ты вошла в такой возраст, когда будешь в любом козле на ули-

це видеть свою потенциальную «судьбу». И чем быстрее ты забудешь этого конкретного парнокопытного, тем скорее появится кто-то другой. Возможно, более тебе подходящий.

– Никто мне не нужен, – отвернулась Арина. Нелли снова принялась ей объяснять, что это ей только кажется, что он, тот фотограф, такой уникальный. А завтра ей будет казаться уникальным преподаватель по анатомии домашних животных. А послезавтра – студент с пятого курса. А послепослезавтра...

– Я поняла, поняла, – сдаваясь, подняла руки Арина, но Нелли тут же требовала с нее обещание, что она будет пользоваться контрацепцией, «будет умничкой» и не станет придавать слишком большое значение слову «любовь».

– За исключением случаев, если тебя позовут замуж, – уточнила она.

– Я не хочу замуж, – процедила Арина.

Нелли на это вскипела так, что разразилась очередным монологом:

– Замуж – это наш с тобой главный шанс! Или ты собираешься отучиться тут – и вернуться в наше болото? Господи! Да неужели ты не понимаешь, что делать там нечего? Там мужики либо пьют, либо уже спились... Свиней разводят! Ты же не выживешь там, Аришка!

Аришка домыла посуду и еще не успела дотереть полотенцем последнюю плоску, как ей стало легче. Действительно, нечего попусту фантазировать, думать о всяких там неувови-

мых фотографах, вспоминать, как звучит чей-то там голос. Шаг за шагом, потихоньку, думая только о том, что действительно важно, надо убраться в квартире, пока не приперся кто-нибудь из «друзей» Нелли, чтобы о ней «позаботиться». Сергей, если уж на то пошло, был самым лучшим из ее любовников – постарше, он всегда снимал обувь в прихожей и не приносил с собой десять полуторалитровых пластиковых бутылок пива для себя и «ребят». Андрюха, другой Нелькин любовник, приходил к ней по выходным, никогда не разувался, часто резал на кухонном столе какие-то жутко вонючие колбасы, оставляя крошки, ужасный запах и царапины на столешнице. У Андрюхи было много друзей, и они «зависали» у Нелли, когда Арина была на дежурствах. Возвратившись, она всегда заставляла кого-то из них спать на ее диванчике в кухне.

Отмывать дом после них было мучительно, противно – и совершенно необходимо.

Ближе к обеду Нелли все же решила затронуть момент, который волновал ее, несмотря на то что с виду она «плевать на это хотела». Но теперь, когда Арина пришла в себя, Нелли решила во что бы то ни стало выяснить что-нибудь про ее позицию относительно «платной любви».

– Ты знаешь, – подкатила Нелли издалека, – я очень переживаю из-за того, что случилось вчера. Ну скажи, чего ты убежала, а? Видишь, сколько теперь проблем! Фотограф этот опять же... Какая муха тебя укусила?

– Я... мне надо было проветриться, – растерянно пробормотала Арина. Она оказалась не готова к разборке, уже надеявшись обойтись без нее.

Однако Нелли не отступала. Не рассказала ли Арина случайно кому-то, что Неллин любовник оплачивает ее любовь? Или, может быть, пока еще не рассказала, но подумывает, не поделиться ли с кем-нибудь своими мыслями на этот счет – хотела знать Нелли.

– Нелли, это не мое дело, – отвечала Арина, не глядя по-друге в глаза.

– Да ты только говоришь так! – вспыхнула Нелли. – А сама, значит, думаешь, что я проститутка.

– Ничего я не думаю, – искренне возмутилась Арина. – Не надо додумывать за меня, пожалуйста! Твои отношения с мужчинами, сколько бы их ни было – это твое личное дело.

– Вот! – Нелли назидательно подняла указательный палец. – Ты говоришь одно, а думаешь другое. И я знаю, что именно.

– Что? Я же сказала, я ничего ...

– Не-ет, – протянула Нелли, сощурившись. – Ты думаешь, что а вот сама ты никогда бы не взяла денег за секс, да? Ты же считаешь, что это ужасно, правда?

Арина замолчала. Ответить ей было нечего. Она не умела врать, и правда высветилась у нее на лице.

– Какая разница, что я думаю? – в растерянности пролепетала она. – Я не осуждаю тебя!

Нелли, что называется, не поверила ни одному ее слову. Она принялась с раздражением смахивать с подола халата какие-то крошки. Потом выпрямилась и с возмущением заголосила:

– Да разве мне нужны его деньги? Хотя... знаешь, они тоже не лишние!

– Я понимаю, – кивнула Арина.

– А ты теперь небось побежишь доложить родителям, да? Имей в виду, я тогда и твоим скажу, что у тебя есть любовник! – Нелли развернулась к Арине спиной, открыла холодильник и принялась вдумчиво и неторопливо изучать его содержимое.

Это был удар ниже пояса.

– Но... это же будет неправда! – растерялась Арина. – И потом, я же сказала, это не мое дело. И ничего я никому не собираюсь рассказывать...

– Точно? – Нелли вытащила из холодильника два питьевых йогурта с вишней.

– Абсолютно! Мне-то это зачем?

– Йогурт будешь? – спросила Нелли куда более миролюбиво. В конце концов, она только хотела немного припугнуть девчонку, чтоб та знала – держать язык за зубами в ее же собственных интересах.

– Нет, спасибо, – надулась Арина.

– Да брось ты. Жрать надо. Давай я тебе налью кефирчику, – Нелли потянулась за чашкой, но Арина проворно на-

крыла ее рукой, да только промазала, чашка упала на пол и разбилась.

– Нет, ну какая же ты растяпа! – закричала Нелли. – Я же сказала, что налью. Ты чего дергаешься? Ладно, я пойду, меня Андрюшка на улице ждет. Буду поздно!

И Нелли вышла из комнаты, возмущенно что-то бурча. Арина не стала вслушиваться. Оставшись одна, она, вздохнув – чашка была любимая, с котятами, – принялась собирать с полу осколки. Взяла совок, веник, начала сметать мусор, но вдруг разозлилась, отбросила веник и подошла к окну. Там шли по улице люди, играли дети... Почему все так сложно?

Позже она все же убралась в кухне, сходила в магазин неподалеку, а затем раскрыла учебник по химии. Преподаватель действительно был молодым и «ничего так», но никогда он не вызывал в ней и тысячной доли того фейерверка, какой возникал в ее теле при одной мысли о Максиме Коршуне.

«Мне почему-то не хочется вас отпускать!» Арина почувствовала, что почти ненавидит его. Тоже мне, помощник голодающих. Думай теперь о нем!..

– Вторая стадия идиотизма, – разозлилась Арина на саму себя. Она вдруг с ужасом осознала, что все, что она прочитала, вылетело у нее из головы, и она не может вспомнить ни слова. Они прыгали перед ее глазами, как стрекозы, но проскакивали мимо сознания быстрее, чем скорость мысли, и в

итоге через час в голове ее не прибавилось и толики знаний. Придется читать заново. Хотя, Арина могла поспорить, и на второй раз в голове ничего не останется.

Когда она захлопнула книжку и тетрадки, окончательно стемнело. Сна не было ни в одном глазу, несмотря на прошлую бессонную ночь.

Вторая ночь после встречи с ним проходила так же мучительно, как и первая.

Арина лежала на диванчике и ворочалась, считала овец, коров, жирафов, после чего окончательно отчаялась уснуть. А ведь нужно было хорошенько выспаться. Завтра ночью дежурство в «Умке», а днем нужно в институт, на экзамен по химии. До конца сессии осталось всего два экзамена, но сложнейших. Химия и анатомия домашних животных. Если она не заснет и сегодня, то завтра просто развалится.

Нелли вернулась за полночь, долго копалась в прихожей, но, заметив Аринину возню в кухне, зашла туда.

– Ты чего крутишься? – Нелли потянулась и зевнула, наливая себе воды из чайника. От нее пахло вином и табачным дымом. Предполагалось, что у нее тоже идет сессия, но Арина не хотела бы знать, каким образом Нелли к ней готовится.

– Не могу уснуть, – вздохнула Арина.

– Все думаешь о своем Соколе? – ухмыльнулась Нелли.

– Коршуне, – поправила Арина. – Не думаю я о нем. Просто... это что-то такое... – Она не знала, как выразить это словами. События вчерашнего дня начали рассеиваться в ее

памяти, но от этого становилось грустно и пусто, словно она стоит одна посреди огромного скошенного поля и не имеет ни малейшего представления, куда пойти, где укрыться от холодного ночного воздуха.

– Нервы? – уточнила Нелли.

Арина кивнула. Нелли пошла к себе и вернулась с упаковкой таблеток. Таблетками ее снабжал Андрюша, чьи родители держали аптеку.

– Феназепам? – нахмурилась Арина.

– А что? Отличное снотворное.

– Это же транквилизатор, а не снотворное.

– Ну и что? Тебе сейчас и нужен транквилизатор, влюбленная ты дуруха. Снова будешь всю ночь крутиться, как тот пропеллер.

– Я не влюбленная, – покачала головой Арина.

– Ага. Просто дуруха. Ну, как хочешь. Я на столе оставлю тебе таблетку. Ты завтра дежуришь?

Арина кивнула, и Нелли мысленно сделала зарубку. Можно позвонить кому-нибудь. Арины не будет весь день и всю ночь. Красота!

Нелли ушла. Арина помучалась еще с полчаса, да и проглотила спасительную пилюлю. Все лучше, чем всю ночь вспоминать человека, который просто прошел мимо, остановившись на секунду рядом, чтобы после этого исчезнуть навсегда. И хотя непрошенные мысли проридались сквозь усталое сознание, снотворное уже действовало, растворяя их в

блаженном небытии. В этом Нелли была права. Правильная таблетка в таких случаях еще никому не мешала.

– Эй, Аринка, дрыхнешь?! – Голос Нелли пробивался сквозь столь драгоценный сон, как сквозь вату. Поначалу Арина решила, что этот голос – часть ее сна, но через несколько минут открыла глаза. Нелли сидела рядом, трясла ее за плечо и шипела, как патентованная гадюка.

– Что случилось? – пробормотала Арина. За окном было темно, глубокая ночь. На круглых кухонных часах – половина второго. Жутко хочется спать, таблетка работает. Завтра экзамен, дежурство. – Господи, зачем ты меня разбудила! Я же опять не усну.

– Ты с ума сошла? – вытаращилась на нее Нелли. – Какой, к черту, спать. Ты мне скажи, ты вот с этим фотографом познакомилась?

Перед недопроснувшейся Ариной возникло изображение – Максим Коршун, хмурое, злое лицо на фоне бирюзовой бездны.

– Нет! – Арина подпрыгнула на диване, отшатнувшись от Нелькиного планшета. Арина почувствовала, что задыхается, как от удара в живот. Она попрощалась с ним, она отпустила воспоминания, она выпила феназепам! За что Нелли решила ее пытаться?

– Он это или нет? – заорала Нелли. – Говори, идиотка! – Арина сидела, парализованная, бледная, неспособная отве-

сти глаз от прекрасного, холодного лица на экране.

– А, черт с тобой, – махнула рукой Нелли. – Я и сама вижу, что он. И как тебя угроздило с ним столкнуться?

– О чем ты? – Арина против воли смотрела на фотографию, не отрываясь. Какой он красивый. Как хочется увидеть его снова! И чтобы он снова прикоснулся к ней, провел рукой по волосам. Как трудно будет его забыть.

– Господи, она даже не понимает! – всплеснула руками Нелли. – Ну отчего ты не послал туда меня! Надо же. И как его теперь искать?

– Зачем его искать? Не хочу я никого искать! Убери планшет, пожалуйста, – взмолилась Арина, но Нелли ее не слушала, пребывая в каком-то странном, не совсем нормальном состоянии. Может быть, в этом-то все и дело? Может, она скушала какую-нибудь другую таблетку из Андрюшиных запасов и теперь бредит? Но зачем она откопала фотографию Максима? Что ей за дело до него? Такой извращенный садизм – это месть за то, что Арина не одобрила ее затею брать с любовников деньги. Она хочет показать ей, каково это – мучиться от любви?

– Отец скандально известного фотографа Максима Коршуна – не кто иной, как Константин Коршунов, российский олигарх, состояние которого оценивается в двенадцать миллиардов долларов. Во времена Советского Союза был активным членом КПСС, секретарем обкома. Что такое обком? Ладно, это не важно. Так, что еще? Родился 3 января 1946

года в Москве.

– Кто? Кто родился? Максим? – сонно смотрела Арина на беснующуюся подругу.

– Дура ты, а? Сорок шестой год? Отец его, конечно же. Ты хоть понимаешь, сонная тетеря, с кем ты познакомилась?! – Нелли испепеляла взглядом Арину.

– С кем? – Арина механически повторила вопрос.

– Твой Максим Коршун – единственный сын олигарха, состояние которого о-це-ни-ва-е-т-ся, – продекламировала она нараспев, – в двенадцать миллиардов долларов. Ты можешь себе представить двенадцать миллиардов долларов? Да я испытываю сексуальное возбуждение от одного только этого словосочетания!

– Тем более! Да и какая разница теперь? – пожала плечами Арина. Нет, то, что открыла Нелли, безусловно, было интересно. Арина попыталась представить Максима и... все эти Куршевели, золотые унитазы, дворцы на собственных островах. Но все это так сильно контрастировало с его поношенной футболкой, выдавшим виды рюкзаком.

– Какая разница? Ты что, думаешь, это случается легко и каждый день?

– Наверное, тут какая-то ошибка.

– Никакой ошибки! – И Нелли сунула Арине под нос интервью, которое господин Константин Коршунов дал журналу «Форбс» несколько лет назад. Там среди прочего была фотография Максима, на которой тому было лет двадцать или

того меньше. Но это был он, определенно он. Арина побледнела и отвернулась.

– ...успех «Последовательности» в прошлом году...

– Что? – встрепенулась Арина.

– Что – что? – не поняла Нелли.

– Ты сказала «последовательности» или мне показалось? – переспросила Арина.

– Нью-Йоркская выставка прошлого года, – пояснила Нелли. – А вот еще. «Сам Коршун дает интервью крайне редко и никак не афиширует свое родство с одним из богатейших людей нашей страны».

– Это я заметила, – кивнула Арина.

– Подожди! Ты только послушай! «А между тем его отец является владельцем одной из крупнейших компаний России ЗАО «Нефторус Транс». О, я сама сейчас впаду в транс! – продолжала чтение Нелли. – Ты хоть понимаешь, какой шанс у простой дурацкой девчонки вроде тебя встретить настоящего олигарха? Фамилию, пишут, он чуток изменил для пущей публичной броскости, «звезды» часто берут псевдонимы, а тут само в руки – то бишь на язык – просится.

– Сына олигарха, – поправила ее Арина.

– Единственного сына олигарха! – добавила Нелли. – Так! Что же делать?! Мы должны его найти. Мы должны... господа, я не знаю, с чего начать. Я готова выйти замуж за его папочку, или за друга его папочки, или за друга его друга. Или даже за их шофера.

– Все это глупость.

– Но почему?

– Да потому что! Разве ты сама не понимаешь? Миллионер? И я? Подумай-ка еще разок, да получше. И потом, ты же сама сказала, что он водил меня кормить. Теперь понятно – занимался благотворительностью.

– Ты напомнила ему Белоснежку! – козырнула аргументом Нелли.

– Я не буду его искать, – твердым голосом заявила Арина. – Ни за что.

Нелли затравленно посмотрела на Арину и бросила планшет на диван. Экран погас, лицо Максима перестало завораживать Арину.

– Ты хоть понимаешь, что отнимаешь у меня мечту? – пробормотала Нелли.

– Я – у тебя? – задохнулась от возмущения Арина.

– А вдруг ты все же ему понравилась, понимаешь? Он же не просто тебе денег на еду дал! Он с тобой там торчал в этом кафе, спрашивал о чем-то. Знаешь, что я думаю? Он хотел с тобой переспать, а потом передумал.

– Да, ты права. Он хотел переспать – и передумал. И теперь это просто меняет дело! – всплеснула Арина руками, с трудом подавив желание стукнуть подругу. Но Нелли не заметила сарказма.

– Да, именно так! – не унималась подруга. – Может, решил, что ты одета как-то не так. Или вспомнил, что у него

другие планы. Мы должны сделать так, чтобы вы случайно встретились. А потом ты познакомишь меня с ним и его друзьями. Я должна попасть в его круг.

– Ты ненормальная. Ничего этого не будет.

– Будет! – стиснула зубы Нелли. – Я найду способ.

– Если бы ты могла продать ему меня в рабство и так познакомиться, ты бы меня тут же продала, да?

– Конечно! И недорого бы взяла, моя дорогая Белоснежка! – зло рассмеялась Нелька. Арина вздрогнула. Именно так и он ее называл. Миллионер? Не хватало ей только отца-олигарха. Еще бы, тогда понятно, отчего он смотрел на нее с таким изумлением. Она, наверное, показалась ему такой смешной, такой жалкой – со своим этим надкушенным батоном.

– А тебя бы это не устроило? Такой красивый мужик! Тут ты была права, он просто классный! Нет, ну почему меня там не было! – возмущалась Нелли. Арина вдруг представила себе, что было бы, если бы Нелли действительно оказалась там с нею. Крашенные волосы, большая грудь и длинные ноги. Она и правда производила впечатление на мужчин. Леопардовые лосины, яркие, подведенные черным глаза... Но Арина почему-то была уверена, что Коршун остался бы равнодушным к ее чарам. Хотя кто знает.

– Вот сама его и ищи, а меня оставь в покое, – Арина прошла мимо Нелли и скрылась в ванной, где долго смотрела на свое отражение в зеркале. Пока оно не затуманилось от пара теплой воды.

Арина понимала, что Нелли бьется впустую. Комета пролетает мимо Земли лишь один раз. Шансов встретиться снова было – ноль или меньше. Бывает такое математически? А, какая разница. Сколько ни ищи, сколько ни пытайся высчитать орбиту и встать на пути. Никаких шансов, одни пустые надежды. И только серое, уставшее от двухдневной бессонницы лицо с глазами, покрасневшими от слез. Наверное, это просто такой возраст. Столько ненужных, лишних эмоций. Максим о ней небось ни разу не вспомнил. Ушел из кафе и выбросил из головы. Глупая, глупая Арина! Как теперь дожить до утра?

Марианна Осокина, пиар-менеджер проекта «Ненависть», мечтала встретиться вот так, вживую, со своим кумиром Максимом Коршуном почти два года. И вот она подходила к гостинице «Максимус гранд отель» со стороны набережной Москвы-реки – с надеждой в сердце и такими планами, что сама бы с трудом поверила, что на такое способна. Приличная женщина, прекрасный сотрудник. В разводе, детей нет. Но чего не сделаешь, чтобы мечты стали реальностью.

Она решилась во что бы то ни стало переспать с Коршуном.

Просто переспать? Это как пойдет. Марианна красива, умна, независима – отчего бы ему не заинтересоваться ею? Может быть, это ее шанс! Чем черт не шутит, бывают же чудеса! Она, безусловно, достойна его интереса. Чего только ей стоило добиться, чтобы именно ей поручили организацию его выставки! Сколько усилий потрачено, сколько пришлось хитрить и аккуратненько направлять мысли руководства в правильное русло. Даже оговорить пару коллег перед начальством, хотя Марианна и не гордилась этим. Ничего личного – только бизнес. Но главное – все получилось. Удалось договориться о размещении выставки в одном из лучших выставочных центров Москвы. Да что там – самое сложное –

уговорить пиарщиков Максима Коршуна, чтобы на этот раз премьера прошла именно в Москве. Это уже само по себе достижение, причем немалое. Впервые в истории, между прочим.

Марианна – большая поклонница творчества Максима и его образа жизни. Большая поклонница его фотографий, обклеила ими всю стену дома, как какой-то дурацкий подросток. Но он так прекрасен, что хочется смотреть и смотреть.

И вот она идет к нему в номер. Поверить невозможно.

Официально поводом для визита было обсуждение дальнейших планов по развитию проекта, хотя в глубине души Марианна знала, что Максиму Коршуну глубоко наплевать на эти планы. И на успех выставки, и на финансовые вопросы – по понятным причинам – ему тоже было плевать. Это трудно понять, но есть на свете люди, для которых деньги ничего не значат. Они у них есть. Больше того – они были у них всю жизнь, и они привыкли к ним, как нормальные, обычные люди привыкли пользоваться электричеством.

Люди, для которых деньги – только цифры, не больше. Круто было бы так жить!

Можно было решить все вопросы по телефону, но раз повод был, Марианна добилась-таки личной встречи. Чего-чего, а упорства ей не занимать. Официально она пришла сюда, в отель, чтобы уговорить Максима поучаствовать в нескольких шоу на телевидении. Хотя бы одно шоу и одно интервью. На самом деле – соблазнить и провести хотя бы одну ночь с

ним в постели.

Как произвести впечатление на мужчину – сногшибательное и мгновенное? Марианна подошла к вопросу профессионально, по-деловому. Она изучила вопрос, проанализировала внешность женщин, с которыми Максим встречался, хотя и знала о его репутации: он никогда и ни с кем не встречался дольше, чем месяц-два. Но и два месяца с таким человеком, как Максим Коршун, могли изменить всю жизнь Марианны.

Среди его женщин были и леди из английской знати, и голливудские звезды, и «модельки», и женщины, чьи имена и статус остались неизвестными. К сожалению, они все оказались очень разными и не свидетельствовали, какой тип женщин интересен Максиму.

В конце концов Марианна решила оставаться собой, то есть решительной, незакомплексованной, уверенной в себе. Такой мужчина, как Коршун, не будет тратить время на пустые разговоры. В таком случае она тоже не станет. Возможно, это даже сработает лучше. Современные мужчины любят сильных женщин, которые знают, чего хотят. А уж чего хочет она, можно прочесть по ее внешнему виду. Старалась, выбирала.

Короткая кожаная юбка, бежевые туфли на одиннадцатисантиметровой шпильке, шелковая блузка цвета слоновой кости, маленькие пуговицы которой оторвутся от одного хорошего рывка. Никакого лифчика, никакого белья. От такой

смелости у Марианны немного дрожали ноги, но ей даже нравилось чувствовать это волнение. Правда, она никогда не чувствовала себя более нелепо и глупо, чем когда садилась в такси. Но все окупится, если он захочет ее. Стоя на пороге отеля, Марианна снова вздрогнула от мысли о том, что, возможно, произойдет очень скоро.

Марианна пересекла небольшой уютный холл гостиницы, названной, как она подозревала, в честь собственно Максима, и поднялась на лифте на седьмой этаж, полностью занятый пентхаусом, где остановился Максим. Он всегда останавливался в своем небольшом, но роскошном отеле, одном из целой сети элитных, разбросанных по миру.

Она постучала – но никто не ответил. Марианна вспомнила, что Максим сказал, чтобы она просто заходила и подождала, если его не будет – он оставит дверь незапертой. И она зашла – чуть помедлила, делая шаг в свое возможное, дразнящее своей призрачной красотой и роскошью будущее. Просторное помещение было наполнено светом и воздухом, дверь на террасу приоткрыта – возможно, он там? Боже, какое место! Сколько же тут комнат? Три? Марианна огляделась и заметила приоткрытую дверь в спальню. Она воровато огляделась – никого. Тогда она прошла в спальню, которая занимала больше места, чем трехкомнатная квартира в столичном Бутово, где она жила с родителями.

Отменно чистый, ни единой соринки, паркетный пол. В углу сумки и какие-то громоздкие чехлы – для аппаратуры,

вероятно. На полу возле стены светится невыключенный ноутбук, а рядом, прямо тут же – зачем-то сброшенные с кровати одеяло и подушки. Яркое солнце освещает весь этот загадочный беспорядок. На диванчике его джинсы, м-м-м. Может, он в ванной? Марианна вернулась в холл и прислушалась. Тишина. В холле, прямо посреди комнаты – кроссовки. И кругом карандашные рисунки, наброски – во множестве на полу и на журнальном столике. Но взглянуть на рисунки повнимательнее Марианна не успела. Она услышала звук открывающихся дверей лифта и обернулась.

– Вы уже здесь? А я надеялся на вашу непунктуальность, – Максим появился в дверях в шортах и простой светлой футболке, с мокрыми волосами и переброшенным через плечо полотенцем, он явно пришел из бассейна. Ну конечно, в таком отеле обязательно должен быть бассейн. Они могли бы поплавать вместе. Интересно, а если бы он захотел, мог бы он приказать всем убраться из отеля на несколько часов, чтобы остаться тут с ней вдвоем?

Он может позволить себе так много. И ей тоже, если бы захотел!

– К таким людям никогда не опаздывают, – произнесла она самым раскрепощенным и уверенным тоном, на какой была только способна. Хорош, о, как хорош, черт сероглазый. Так бы и слопала его целиком, подумала Марианна, возбуждаясь от одного лишь взгляда на него. «О, что же мне такого сделать, чтобы ты захотел меня? Раздеться и потре-

бовать, чтобы ты взял меня... прямо на этом полу!» Мысли заводи́ли, и шаловливое выражение само собой поселилось на ее лице. Максим скользнул взглядом по ее ногам, которые смотрелись куда длиннее реальной своей длины в этих бежевых шпильках. В ответ на его взгляд Марианна широко улыбнулась, но он (эх, досада!) прошел мимо.

– Вы располагайтесь, – он удалился в кухню, где достал из холодильника бутылку воды, скрутил крышку и с жадностью отпил чуть ли не половину сразу. И повернулся к Марианне.

– Располагайтесь как можно удобнее, – он улыбнулся и скосил взгляд на ее грудь. Все-таки заметил! Марианна жала бедра и распрямилась. Ага! Прийти без белья было удачной идеей – чувствуешь себя такой... распутной. Мужчины это любят, верно?

Наверное, сидя она будет выглядеть более сексуально. Она прошла к дивану и уселась, слегка разведя ноги и вытянув их вперед. Сказать яснее о своих намерениях было нельзя. С помощью языка тела, во всяком случае. Марианна подцепила один из рисунков со столика.

– Вы так прекрасно рисуете, – негромко заметила она, едва взглянув на набросок.

– Вы считаете? – улыбнулся он, и Марианна обратила внимание, что на рисунке изображена какая-то девушка в кедах. И еще на одном. Только сейчас она заметила, что на всех без исключения рисунках изображена одна и та же женщина. На некоторых набросках деваха изображена обнаженной. Кровь

прилила к лицу Марианны. Он что, рисовал ее всю ночь?

– Кто это? Модель? – спросила она, не сдержавшись. Максим ответил не сразу. Он словно с трудом оторвал взгляд от рисунка и посмотрел на нее так, будто забыл, что она тут сидит и сверкает голыми ногами посреди его пентхауса.

– Это Белоснежка, – невнятно ответил Максим.

– Та, которая из сказки? – удивилась Марианна. – Не подумала бы. Кажется, та была не такой высокой и худой. И кеды, конечно... Интересный взгляд на...

– Марианна, правильно? – перебил ее Максим, опускаясь на диван рядом с ней. Он забрал рисунок из ее рук и аккуратно вернул его на стол, глядя Марианне в глаза.

– Да, – кивнула она, и он взял ее за руку. Вот оно! Работает! Она ему нравится! От его прикосновения Марианна задрожала и покраснела.

– Вы не могли бы сделать мне одолжение? – спросил он вкрадчивым тоном, а сам перевел взгляд с ее глаз на ее губы. О, он знает, как играть в такие игры. Марианна победно улыбнулась.

– Конечно. Что угодно! – кивнула Марианна и, была не была, облизнула верхнюю губу.

– Что угодно? Ого! – пробормотал он игриво, а затем продолжил, удивив Марианну: – Мне нужны все материалы с пресс-конференции в музее.

– Материалы? Какие материалы? – странная просьба, разве нет? Марианна растерянно смотрела на Максима, но тот

продолжал сжимать ее руку и обводить взглядом ее лицо, плечи, откровенную блузку.

– Все материалы. Видео, фото. Сделаете это... для меня? – хрипло попросил он, сексуально улыбаясь.

– Я... я попробую, – Марианна потянулась вперед, к его губам. Она поцелует его первой. Она поцелует его прямо сейчас, ведь он явно ждет от нее этого!

– Спасибо! – бросил он внезапно спокойным, лишенным всякой сексуальности голосом и отпустил ее руку. Встал с дивана, и магия кончилась. Какого черта?! А как же поцелуй? За каким лядом ему понадобились материалы с выставки? Будет анализировать, как все прошло? Да не очень все прошло, если честно. Только – ведь именно из-за него все и пошло не так, разве нет?

Позавчера Коршун ушел с выставки прямо посреди пресс-конференции и так и не вернулся, чем взбесил всех журналистов. Все, что у них осталось из записей встречи, это то, как он подошел к ним у лестницы. Операторы пропустили момент прибытия. В обычном случае, с нормальным человеком они бы просто попросили «звезду» войти еще разок, но Максим исчез чуть ли не через пять минут после того, как они поднялись наверх. А сегодня он сидит в номере и рисует какую-то неизвестную особу. И требует все видеоматериалы. Все! Пойди его пойми.

– Но... зачем вам это надо? – решила спросить Марианна. Максим только улыбнулся одной из своих фирменных

«дьявольских» улыбочек и пожал плечами.

– Боюсь, что камера меня полнит. Вот и решил проверить, – заявил он, глядя на Марианну невиннейшим серым взором.

– Я поговорю с операторами. А тогда, может быть, и вы согласитесь... – В тоне Марианны сплошная эротика, голос бархатный, искушающий. – На съемку в программе для «Вечернего Урганта»?

– Вечерний? – продолжал улыбаться Максим. – Это значит, что запись будет сегодня вечером?

– Именно, – Марианна решила на новую атаку. Она изящно подняла руки, чтобы якобы поправить прическу. Тонкая ткань блузки натянулась, и Максим с невольным интересом уставился на проступившие сквозь ткань набухшие соски. У Марианны была красивая грудь.

– Вечером – никак, – игриво покачал он головой.

– Но дайте мне хоть что-нибудь, – продолжала Марианна, склонив голову и не опуская рук.

– Могу предложить утро или день. Интервью. Кому – вы решите сама, Марианна. Кого вы посчитаете интереснее. Я в ваших медиаресурсах не разбираюсь. Так что – я весь в ваших руках!

О, эта двусмысленность дразнила Марианну и давала надежду. Все, что он говорил, звучало хоть чуточку, но непристойно. Этот мужчина производил ошеломляющее впечатление на женщин и, самое ужасное, прекрасно знал об этом.

– Вы завтра улетаете? – уточнила Марианна. – До которого часа можно планировать?

– Я останусь здесь еще на пару дней, – заверил он ее, удивляясь самому себе. В кармане его лежали билеты на завтрашний рейс в Берлин. Он провел в Москве два дня – вполне достаточно. Вчера вечером он ответил бы, что да, он улетает завтра. Но все дело было в этих набросках.

– Это просто отлично! – загорелась Марианна. За пару дней она «дожмет» его, или она не она! – Я скажу оператору, чтобы он переслал материалы. К вечеру, думаю, они будут.

– Прямо сейчас, – покачал головой Максим. Марианна нахмурилась. Какого лешего он привязался к этим материалам?

Ей пришлось опустить руки, достать телефон и позвонить мальчикам-операторам, что снимали позавчера скомканную выставку, и умолять их прямо сейчас бросить все дела и побежать, выслать отснятые материалы ей на имейл. Да, она сошла с ума. Да, это огромные объемы информации и такое вообще не пересылают по Интернету. И за ней не залежится, за ней должок.

– Они обещали сделать все возможное, – ее голос звучал раздраженно. Максим, оказывается, уже принес из спальни ноутбук и теперь сидел за столом, ковырялся в каких-то файлах и совсем перестал на нее смотреть.

– Отлично! – ответил он, не оборачиваясь.

– Вы что, будете что-то редактировать? Там не так много

материала.

– Ничего. Это ничего, – пробормотал он, разглядывая изображения на экране.

– И потом, я не могу дать вам материалы сторонних организаций. Там были журналисты с разных каналов, и их материалов у меня нет, – голос Марианны утратил всякую сексуальность.

– Дайте хотя бы то, что есть, – строго скомандовал Максим после некоторой паузы.

– Но зачем?! – спросила она чуть более грубо, чем собиравалась. Максим посмотрел на нее поверх ноутбука, свел брови и посерьезнел.

– Потому что без этого не будет интервью. И вообще ничего, – сказал он наконец.

«Черта с два он станет со мной спать. Я могу хоть вообще снять юбку – ничего это не изменит, – с досадой подумала она. И запоздало: – За каким лядом я теперь буду целый день ходить без трусов?»

Целых полчаса ей пришлось сидеть и таращиться на экран телевизора, где по каналу «Дискавери» шел на английском языке фильм про горы и вулканы. Максим спокойно работал, перебирая какие-то фотографии, просматривая какие-то статьи. Он не отвлекался и не смотрел на Марианну. Она сначала злилась, потом просто устала и заскучала. Наконец ее телефон издал сигнал – пришла первая почта от оператора.

– Здесь хорошая скорость? – спросила она деловым тоном, очень сухо.

– Почта? – спросил Максим, оживившись. – Зайдите с моего компьютера, так будет проще скачивать.

Когда файлы начали выпадать на экране один за другим, лицо Максима загорелось от нетерпения. Он открыл первое видео и перемотал его до определенного места, когда вся пресс-конференция переключалась на шестой этаж. Далее он принялся перематывать запись по капельке. Что он ищет?

Марианна стояла у него за спиной, хмурая и злая. Он, не отрываясь, смотрел в экран, но явно не находил того, что искал. Из любопытства Марианна вглядывалась через его плечо в быстро бегущие кадры. Они на шестом этаже, в зале выставки. Он разглагольствует о чем-то, но сейчас Марианне не слышно, о чем, так как запись идет на перемотке. Вот он замолкает, поворачивается и уходит. Куда? Камеры настроены так, чтобы кадр вмещал и автора снимков, и две его работы. Потом он должен переходить к следующей работе, и мальчики повернут камеры за ним. Вот он останавливается в проеме комнаты с инсталляцией.

Максим напрягается, садится прямо и нажимает на паузу. Ага. Вот оно. Значит, он искал именно этот момент. Мотает еще чуть вперед, но камера уже перемещается к фотографии с кровавыми кулаками. Оператор перенастроился и ждет. Максим морщится и загружает следующий файл. Не то. А что тогда «то»?

И тут Марианна вспоминает. Она и внимания-то на это не обратила в день выставки, но сейчас этот момент восстанавливается в ее памяти совершенно четко – уж на что, а на память ей жаловаться не приходится. Она вспоминает, как Максим отошел от двух первых работ и свернул в сторону инсталляции. Журналисты стоят и ждут, чтобы он подошел к кулакам, но он завис в проходе и...

Кажется, в комнате с инсталляцией кто-то был. Точно! Он с кем-то разговаривал, а затем из комнаты с инсталляцией кто-то выбежал и ушел с выставки. Марианна сама этот момент не видела, она как раз разговаривала с редактором канала по поводу размещения информации о выставке в вечерний выпуск новостей. Ей потом оператор рассказал, и она еще удивилась, что там кто-то был. Ведь предполагалось, что этаж будет закрыт для посетителей. Но сразу после этого и произошел весь кошмар. Максим Коршун ответил еще на несколько вопросов, рассеянно и как-то невпопад, а затем вдруг просто ушел из зала и вообще с выставки – никому ничего не объяснил и не остановился ни на секунду, когда его звали. Выбежал из здания и исчез. И телефон отключил, подлец. Марианна потом отдувалась перед прессой.

Итак, что-то произошло в комнате инсталляции. Максим закидывает новую папку, и экран его ноутбука заполняется прямоугольниками. Фотографии выложены в программе в хронологическом порядке, и Максим быстро находит момент, тот же самый момент, когда он отходит от первых двух

работ и заходит в проем комнаты инсталляции.

Он кликает на фото. Снимок его спины, ха. Несколько кадров выставочного зала в перспективе. Фотограф решил поснимать, пока ничего не происходит. И – вот оно – фотография общего плана, но не со стороны выставки, а со стороны выхода к лестнице. Стоят журналисты, охранник, и смазанно, не в фокусе – виднеется часть женской фигуры. Какая-то тощая черноволосая пигалица, лица не видно за крупным корпусом охранника, зато отлично видно джинсовое платье и... вот черт, кеды.

Марианна вздрогнула, осознав, для чего Максиму нужны эти кадры.

Потому что кто-то мог случайно заснять там, на выставке, ее. Белоснежку! Это не просто выдуманный им образ. Это совершенно реальная женщина, она была на выставке, убежала оттуда. Да это же ее кеды на фотографии!

Боже мой, значит, Максим Коршун искал на видео какую-то странную девчонку, что выскочила из кабинета инсталляций в музее. Значит, он ее рисовал. И в кедах, и без! Но почему? Он ее знает? Как она туда попала? Белоснежка, надо же!

Если бы Максим сейчас посмотрел на Марианну, он бы заметил, как побелела она от ярости. Но он пожирал глазами смазанный оттиск, не подозревая, что Марианна сейчас, в этот конкретный момент, начинает его ненавидеть. Он думал совсем о другом.

Ее в этих материалах не было. Ни один кадр не запечатлел ее лица, так быстро она пробежала. Только вот этот обрывочный контур. Максим рисовал Белоснежку всю ночь – после того как она приснилась ему. Бледное лицо с манящими, ярко-красными, чуть припухшими губами, и этот удивительно нежный, женственный взгляд, полный сострадания – бездонная синева глаз, залитое слезами юное лицо эльфийки. Но проснувшись, он так и не смог воспроизвести ее образ. Он сделал множество эскизов, и на каждом ее лицо выглядело не так, как надо.

Он хотел увидеть ее снова.

Максим перебрал все файлы. Ничего. Камеры не были настроены на нужный ракурс. Только разговоры операторов в тот момент, когда он отошел от них. Один из операторов называл Максима «зазнавшимся козлом». Максим сделал вид, что не услышал, а Марианна ухмыльнулась про себя – так ему и надо. Через некоторое время файлы кончились, он пересмотрел все.

– Других нет? – спросил он. Марианна сухо качнула головой – нет.

– Что-нибудь еще? – спросила она, стараясь скрыть свои чувства. Как же приятно, что этот зазнавшийся козел не нашел того, чего искал! «Козел» какое-то время молчал, раздумывая.

– Да, – заявил он, к ее удивлению. – Мне нужен кот.

– Что? Кто? – Марианна уставилась на Коршуна, и непри-

ятное подозрение обожгло ее. Он, должно быть, ненормальный. Естественно! Он просто псих – и это все объясняет. И то, как трудно с ним договариваться, и то, как меняется его настроение, и, главное, то, с каким равнодушием он отнесся к ее предложению... самой себя.

– Кот, – повторил он громче. Марианна не реагировала, вникая.

– Какой кот? – спросила она медленно.

– Любой. Вы можете найти мне кота? Или мне придется потратить время, предназначенное для интервью, чтобы пойти поискать себе обыкновенного дворового кота? Или какого угодно породистого.

Псих! Марианна вышла в холл и вызвала лифт, проклиная сам факт, что ей приходится работать с этим чокнутым. На что ему кот? Съесть его? Побрить? Сфотографировать? Может быть, котики его успокаивают? А что – многие сейчас тешатся тем, что глазеют на котиков, чтобы поднять себе настроение. А он их, предположим, снимает. Черт, где она должна взять ему кота? Впрочем, коты не редкость, можно одолжить у подруги. Одно радует – этот смазливый придурок не затребовал у нее крокодила.

Чудес не бывает. Экзамен по химии Арина сдала едва-едва на четверку, да и то благодаря репутации. Тихая, усидчивая, смышленная, она просто утратила вдруг способность удерживать в голове что-то, кроме шальных серых глаз, улыбки с подвохом, расправленных широких плеч. Реальность казалась смазанной, нечеткой, а мысли о невозможном отказывались покидать ее сознание, терзая ее и поддерживая огонь, сжигающий все ее силы. Что, если бы он ее поцеловал? Каково это – целоваться с таким человеком, как Максим Коршун? Нежный, медленный поцелуй, как в «Призраке» с Патриком Суэйзи, когда они вместе с Деми Мур лепили горшок из глины? Или полный отчаяния, страстный, за гранью жизни и смерти, как в «Титанике», стоя на вершине тонущего корабля? Скорее обжигающий и опасный, несущий беду, как в «9 1/2 недель».

И следующая мысль: «Какая же ты глупая! Никогда и ничего. Невозможно».

Это изматывало похлеще рабского труда на галерах. Перечитав учебник дважды, Арина так ничего и не запомнила. Да и собой она напоминала теперь давно не кормленного бездомного котенка. Она растерянно смотрела на преподавателя синими глазами-блюдцами на худом бледном лице.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовался преподаватель.

даватель. – Ведь вы были на всех лекциях? Это что, из-за работы?

– Наверное... – Арина потупилась, страшно смущаясь. Две ночи подряд ушли у нее на зряшные разговоры о сыне одного олигарха, будь он неладен. И на пустые мечты. Как сказать это преподавателю?

– Вы не должны работать в ночные смены, Ариночка, – преподаватель смотрел на нее с явной жалостью. Этого только не хватало. – Вам нужно учиться, в первую очередь. Хотите, я порекомендую вас деканату? На следующий семестр там будет нужен секретарь на кафедру вирусных инфекций. Вы умеете печатать?

– Немножко, – соврала Арина. С компьютером она была на «вы», но стать секретарем кафедры... Это было ее мечтой. Работа в институте приносила бы стабильный заработок, а времени бы отнимала мало. Можно было бы заниматься прямо на рабочем месте. А ночные смены она все равно бы не бросила. Деньги ей очень нужны.

– Ладно, я поговорю. А пока обещайте мне, что летом хорошенько отдохнете, да?

– Да, да, – с готовностью закивала она. Еще как отдохнет! Ох... А чем тогда платить за учебу в следующем семестре? Поговаривали, что плату собираются поднять. Так что как раз сегодня она собиралась попросить в клинике, чтобы ей дали дополнительные смены на летний период. Отпуск она брать не собиралась. Съездит на неделю к маме – и все.

– Ну что ж... Вот ваша зачетка, – и преподаватель проводил Арину задумчивым взглядом. Хорошая девочка. Не такая, как все эти – крашенные, татуированные. Сразу видно, что не из москвичек. Умничка.

Нелли еще рвала и метала, пытаясь повернуть время вспять. Она собрала все существующие статьи о Максиме и его отце Константине Коршунове, в попытках придумать, как бы свести корабли в этом море еще раз. К слову, Константин Коршунов был фигурой загадочной, в СМИ о нем почти ничего не было, кроме общей информации. Жил, работал. Был женат, разведен. Есть сын. Бывшая жена живет в Лондоне.

– Я не слушаю тебя! Не слушаю! – Арина бегала по квартире, демонстративно закрыв уши ладонями. – Мне все равно. Я ничего не хочу о нем знать!

– Ну и дура! Такой шанс. Но почему?

Она ничего не ответила, лишь забросила бутерброд в сумку – и ее царапнула мысль, что это все тот же батон. Импульс пробежал от горла вниз, к животу, и перед глазами возникло лицо Максима, смеющегося и косящегося на батон.

Вот уж действительно дура.

Она не хотела ничего о нем знать, чтобы не стало хуже. Хотя куда уж хуже, она думает о нем и день, и ночь, и весь экзамен. Сколько нужно времени, чтобы лицо Максима Коршуна растворилось в ее памяти, теряя точность и яркость?

Говорят, время лечит. А время и работа лечат вдвойне. И Арина с готовностью нырнула в работу, примчавшись в «Умку» на Красносельской на час раньше своей смены. В клинике еще оставалась небольшая очередь, и мяуканье и гавканье заглушило на время ее мысли, заставляя сосредоточиться на том, что происходило на ее глазах. И это было хорошо.

– В третьей смотровой уберешь? – попросил Арину Боря Фаберже, молодой, но весьма профессиональный ветеринар, прозванный именем великого мастера из-за того, как виртуозно и быстро он проводил кастрации. – И будем готовить кота к премедикации.

– Хорошо, – кивнула Арина, вытирая со лба капли пота. В Москве установилась жара, и медицинская «пижама» казалась слишком теплой одеждой.

– Кондиционер-то когда починят? – Боря перебирал препараты в стеклянном шкафчике-холодильнике, куда хотелось залезть целиком. Всю сегодняшнюю ночь они проведут вдвоем, администратор, сегодня это была Катя, уходит в девять часов. Ночные смены хороши тем, что, если не случается ничего экстренного, они проходят спокойно и тихо. Почистить клетки, поменять капельницы животным в стационаре, закапать в нос попугаю. Раздать лекарства. Поиграть с Фаберже в дурака.

– К зиме, как обычно, – ухмыльнулась Арина, протирая нержавеющей поверхность стола дезинфектором. Все шло своим чередом – хозяйева, как всегда, были невыносимо раз-

говорчивы. Они задавали миллионы вопросов – какие-то дельные, но большей частью бессмысленные, не требующие обстоятельного ответа. «Все ли будет хорошо?», «Не вредно ли давать лекарство?», «Нельзя ли обойтись без анестезии?».

Арина отвечала спокойно и, так сказать, на автомате. Вместе с Борькой они быстро «разбросали» очередь: кого-то вакцинировали, кому-то прочистили уши, кому-то наложили новую повязку на вывихнутую лапу. Часам к одиннадцати стало тише, очередь почти рассосалась, и Арина пошла проводить тех бедолаг, что приходили в себя в стационаре. Парочка кошек после сложных родов, котятка пищали и тыкались им в бока.

Поглядев на котят, Арина поменяла им впитывающую подстилку. В больших клетках дрыхли под капельницами несколько собак, покусанных клешами. Им повезло – хозяйева успели привезти их в клинику вовремя, и последствия бактериального заражения не оказались фатальными. Лето – время клещей.

– У нас тут кастрация перенеслась, – Боря просунул голову в приоткрытую дверь. – Пойдем.

– А почему не завтра? – удивилась Арина.

– Хозяева завтра не могут, видите ли.

– Да отправь их дневной смене, – покачала головой Арина, но Боря только хмыкнул и исчез в дверях. Ясно дело, за операцию в неурочное время ему доплатят. Может, и ей что-то перепадет. Ей еще не было разрешено ассистировать на опе-

рациях – первого курса недостаточно, но Боря всегда брал ее с собой в операционную, с ней было легко и сподручно, она хорошо понимала, что нужно делать, и животные на нее хорошо реагировали.

Арина приготовила стол, разложила хирургические инструменты. Стерилизация восьмимесячного щенка по кличке Князь. Породистый, дорогой князек. Боря, в хирургическом костюме и маске, уже намывал руки.

Князь оказался беспокойным, вертелся на столе, не хотел бриться. Арина поглаживала его высокоблагородие за ухом и нашептывала какие-то стишки, пока Боря орудовал шприцем.

– Попал? – тихонько спросила Арина, и Борис кивнул. Наркоз остудил пыл высокопоставленной особы, которую хозяева обрекали на бездетность по черт его знает каким причинам и соображением. Но это было не самым плохим.

– Ба-а-лин! – взвыл Борис, едва пес отключился.

– Что такое?

– Гельминты, мать их! – Арина бросила короткий взгляд на собачку и сразу все поняла. Такое периодически случалось, и всегда – из-за «долбанутости» хозяев, но сейчас было не до разговоров и выяснений. Арина бросилась к подставке с инструментами, схватила хирургические зажимы и сунула один в руки Борису. Сориентировались они мгновенно – не впервой, к сожалению, и каждый знал, что делать. Ловить глистов, прежде чем те заползут животному в гортань или

ноздри.

Дело в том, что паразиты очень активно реагируют на действие наркоза. Именно поэтому всех хозяев всегда тщательнейшим образом инструктировали и назначали специальное антипаразитическое лекарство перед операцией.

Но хозяева – те еще паразиты. Их трудно понять. Глисты лезли из Князя со скоростью, превышающей ловкость рук ветеринаров.

– Держи чертей! – Борино лицо покраснело от напряжения.

– Скользкие, твари! – бормотала Арина, методично подцепляя червей хирургическим зажимом и бросая в стеклянную банку с дезинфектором. Еще немного, и дело Князя было бы – труба, задохнулся бы. Когда опасность миновала, белый от злости Боря своим фирменным «росчерком» завершил операцию.

– Мы давали ему глистогонное! – возмущенно кричали владельцы Князя, когда Борис со свойственной ему дотошностью потребовал от них ответа. Глаза хозяев сверкали от праведного возмущения. – Как могли такое подумать! Как вы смеее с нами так разговаривать! Да вообще, все эти ваши таблетки – сплошная фикция!

– Значит, никакой таблетки вы не давали, – холодно констатировал Боря.

– Давали! – азартно петушилась хозяйка, высокая тощая тетка лет сорока пяти. – Вы не смеее нас обвинять!

Слово взял теткин муж.

– Да ладно! – неожиданно вспыхнул он, прервав супругу, – почти лысый мужчина с недовольным, покрасневшим от жары лицом. – Я же говорил, нужно дать эту таблетку!

Супруга и владелица Князя развернулась и посмотрела на благоверного в немом ошеломлении. И завизжала.

– Да как ты не поймешь, что это настоящий яд – в этих их глистогонных?! – женщина перешла на ультразвук. – Это формальная процедура, она ничего не значит. Это фармацевты свои таблетки сбывают. А от глистов они не помогают все равно.

Борис дослушал визг до конца, понимая, что даму не перебить, и процедил спокойно:

– Вы сознательно солгали врачу. Сказали, что давали препарат.

– И что теперь? – ушла в глухую оборону клиентка. – Арестуете нас?

– Из-за несоблюдения режима подготовки к операции ваша собака чуть не погибла, – отрезал Борис. – Арина, заполни дополнительную квитанцию за реанимационные мероприятия.

– Мы не станем платить! – возопила клиентка. – Может, вы все придумали!

– А может быть, вам принести глистов? – хмыкнула Арина. Муж и жена переглянулись, муж покачал головой. Дельце было улажено, и Арина стащила с головы хирургическую

шапочку и пошла за стойку печатать квитанцию. Она полностью сосредоточилась на кнопках и окошках программы, пытаясь сгенерировать дополнительную статью оплаты, как вдруг услышала голос, идущий откуда-то сверху.

– Интересная у вас работа, Белоснежка! – тот самый насмешливый голос, низкий и чувственный, от одного звука которого ее дыхание моментально сбивается, и она подскакивает на месте, не в силах поверить своим глазам. Максим Коршун стоял перед ней, и от нее его отделяло только тонкое чистое стекло администраторской стойки.

Он улыбается во весь рот, его резко очерченные ярко-красные губы приоткрыты, между ними белеют два ряда ровных зубов. Ни у кого нет такой самоуверенной, такой неподражаемой улыбки. Арина видит эту улыбку впервые. Такая широкая добрая улыбка – нечастое явление, и она очень идет ему. Лицо Максима чисто выбрито, отчего он выглядит значительно моложе своих двадцати девяти, вот только слегка усталый. Почему? Что-то случилось? Он тоже не спал прошлой ночью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.